

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Анатолий ДРОЗДОВ

КАПЕЛЛАН

Annotation

Далекое будущее. XXII век...

Капитон Головатый, сын владельца клиники нетрадиционной пластической хирургии, решает стать капелланом Российской армии. После окончания военно-духовной академии его направляют служить на планету Реджин. Там базируется группировка военно-космических сил России. Усиленные конвойные роты, в просторечии «укурки», охраняют грузовые космические корабли с рудным концентратом. Параллельно этим занимается и космический десант США. Отношения между российскими «укурками» и американскими десантниками становятся все напряженнее...

Анатолий Дроздов

Капеллан

© Дроздов А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

1

Ренийка выглядела эффектно. Высокая, стройная, одетая в облегающие коричневые кожаные штаны и такую же куртку с длинными рукавами, она шагнула через порог трактира и замерла, давая присутствующим возможность себя разглядеть. Смотреть было на что. Шею женщины украшал небесно-голубой платок, ноги – остроносые сапожки с голенищами раструбом выше колена, а на голове сидела кожаная шляпа-федора с поднятыми полями. Не стетсон, конечно, но смотрелась ренийка воинственно. Впечатлению способствовал длинный кинжал в кожаных ножнах на правом боку. Средневековая воительница из американского фильма, снятого в качестве демонстрации гендерного равенства. По мнению Голливуда, женщины не должны уступать мужчинам и в таких делах.

Ренийка внимательным взглядом обвела зал трактира. Шум голосов стал стихать, и десятки взглядов устали на необычную гостью. Она приосанилась и задрала подбородок...

Последнее я домыслил. Никто не обратил на ренийку ни малейшего внимания. Веселье у папы Крума достигло той стадии, когда собутыльники видят только самих себя, а также то, что льется в их кружки. Женщинами они интересуются потом. Ренийку, похоже, это обидело. Она передернула плечами и направилась к моему столу. Куда ж еще? Свободных мест у папы Крума сегодня не имелось, а ко мне местные не подсаживаются – жизнь дорога. Ренийка, однако, была не из местных. Я торопливо опустил взор и приник к кружке. Занят я, не видно?

– Могу я присесть?

От удивления я поперхнулся. Вежливая ренийка? Это где? Я поднял взгляд. Она смотрела почтительно, насмешки в глазах не просматривалось. Надо же!

– Располагайтесь! – нехотя сказал я.

Ренийка плюхнулась на лавку и стащила шляпу. Копна иссиня-черных волос вывалилась ей на плечи и заструилась по плечам, мгновенно закрыв их, как и уши. Уши, конечно, в первую очередь. Гостя пристроила шляпу рядом с собой и уставилась на меня. Некоторое время мы молча разглядывали друг друга. На вид ей было лет двадцать. Овальное смуглое лицо, острый подбородок, миндалевидный разрез глаз. Чуть заметный, впрочем. Глаза не антрацитового, как обычно у ренийцев, а опалового цвета, редкого голубовато-зеленого оттенка. Ресницы длинные и густые. Общее впечатление портил только нос. Длинный, тонкий, с четко выраженной горбинкой, он явно предназначался для другого лица, но по чьей-то прихоти попал на это. Шутка богов. У коренных ренийцев носы похожи на пуговицы,

торчащие из пухлых щек.

– Скажите, почтенный... – начала гостья.

– Гро, – сказал я. – Меня зовут Гро.

– Почтенный Гро. Здесь можно поесть?

– Разумеется, – кивнул я. – Но я бы не рекомендовал.

– Почему?

– Отравление несвежей пищей и вызванное ею несварение желудка или понос, – стал перечислять я. – Это в лучшем случае. Возможен заворот кишок, а он плохо лечится. Исход обычно летальный.

– Не слушайте его, почтенная! – Крум возник, словно материализовавшись. – Старина Гро любит шутить. У нас замечательная кухня. Могу рекомендовать запеченного в овощах тирха или лопатку стикуля в соусе из свежих фиолей. Пальчики оближете!

– Этот тирх подыхал от старости, а перед этим долго болел, – сказал я. – Забился в угол, чтобы тихо умереть, но его вытащили, забили и бросили на жаровню. А на стикуле возили воду, пока не откинул копыта. Этой лопаткой только гвозди забивать.

– Мэтр! – укоризненно сказал Крум.

Брови ренийки взлетели вверх. Ну да! Где балахон и дурацкая шапочка, которые Корпорация рекомендует носить тем, кто состоит в ее рядах? Только мы не состоим.

– Вот что, Крум, – сказал я, – принеси ей еды из моего котла. Похлебка, расстегай и кружка сидра. Остались?

Трактирщик кивнул.

– Перед этим – умыться. И побыстрее! Человек проголодался.

Крум сморщился, услышав «человек», но возражать не стал. Ренийка или нет, но она клиент, и, судя по одежде, не бедный. К тому же у Мерсии с Ренией сейчас мир. Крум исчез, а ренийка уставилась на меня.

– Вы маг?

– Лекарь.

– Не ожидала, что в Ремсе...

– Здесь есть гарнизон, которому положен лекарь, – пояснил я.

– Не во всех городах есть маги, – покачала головой ренийка. – Даже в крупных.

– Значит, Ремсу повезло, – буркнул я.

Она притихла, но ненадолго.

– Меня зовут Ноэль, – сказала тихо.

Я мысленно хмыкнул. Ну да! Как еще могли назвать это чудо со шнобелем? Именем богини красоты – и никак иначе. Тем временем служанка принесла тазик с теплой водой. У Крума это не принято, но я не люблю, когда за столом едят грязными руками. Ренийка достала из сумки полотенце, смочила его в тазу и аккуратно протерла лицо. Затем вымыла руки и осушила их тем же полотенцем. На предложенное служанкой даже не глянула. Правильно. У Крума этими полотенцами полы моют, по крайней мере, вид у них соответствующий. Покончив с гигиеническими процедурами, Ноэль села прямо и вновь уставилась на меня. Служанка унесла таз и вернулась с глиняной миской, над которой курился пар. Поставив ее перед ренийкой, достала ложку. Ноэль забрала ее, рассмотрела, после чего протерла тем же полотенцем. Я одобрительно кивнул. Появившийся следом Крум принес кружку с сидром и кувшин, из которого щедро плеснул в миску.

– Это что? – спросила Ноэль, глянув в миску.

– Снятое молоко, – пояснил Крум. – Для вкуса.

Ренийка глянула на меня.

– Кушайте! – сказал я. – Это здоровая пища. Бульон на косточке, овощи и снятое молоко.

Там, откуда я родом, это зовут «борщ».

– Бо-орсч, – попыталась выговорить ренийка.

– Есть это вкуснее, чем произносить, – улыбнулся я. – А вот и расстегай!

Служанка поставила на стол тарелку с пирогом. Ноэль цапнула его, поднесла к носу и вдохнула запах. Через мгновение она впилась в расстегай зубками.

– С борщом вкуснее, – подсказал я.

Поколебавшись, она зачерпнула ложкой и поднесла ко рту. Мне показалось, что ее замечательный нос удлинился, дабы уловить запахи, и, видимо, дал «добро». Содержимое ложки исчезло во рту. Спустя миг послышалось одобрительное гмыканье, и ложка нырнула в миску. Я приложился к кружке. Крепленный сидр щипнул язык, и провалился в горло, согрев желудок. Хорошо! Для меня Крум крепит сидр водкой, которую я гоню сам. Сивухой, которую делают в Ремсе, только клопов травить.

Ренийка добила борщ быстрее, чем я сидр. Достав кинжал левой рукой, она срезала мясо с кости, бывшей в борще, ложкой забросила его в рот и закусила кусочком пирога, видимо, оставленным для такого случая. Затем отхлебнула из кружки и сыто улыбнулась.

– Благодарю вас, мэтр!

– Не за что, – сказал я.

– Могу я еще спросить?

Я склонил голову.

– В этом трактире можно снять комнату?

– Не рекомендую.

– Почему?

– Видите! – я указал на стол, за которым горланили солдаты. – Вас уже заметили. Не пристают лишь потому, что вы сидите со мной. Но стоит вам пройти в комнату...

– Я запру дверь.

– Выломают. Ни один засов не выдержит удара в дверь лавкой.

– У меня есть кинжал! – насупилась Ноэль.

– Отберут. Это солдаты, и они умеют обращаться с оружием. За попытку сопротивления вас убьют, но перед этим употребят – хором.

Ноздри Ноэль гневно затрепетали. Некоторое время она боролась с желанием выругаться, но взяла себя в руки.

– Думаю, вы правы, – сказала со вздохом. – Но где мне остановиться? В другой таверне?

– Везде то же самое. Гарнизону выдали жалованье, он гуляет.

– В Ремсе нет стражи? – возмутилась Ноэль.

– Есть, – подтвердил я. – Но в такие дни она прячется. Жить хочет.

– Что делать? – растерялась Ноэль.

– Ночуйте у меня. Просторный дом, два этажа, крепкие двери.

– Они не увяжутся? – Ноэль указала на солдат.

– Не посмеют.

Она бросила на меня взгляд, и я увидел себя ее глазами. Седенький старичок, на вид совсем безобидный. С чего солдатам его бояться? А если так, то чего ждать от дедушки? Вдруг он извращенец или, того хуже, тайный садист? Маги – они такие. Использует гостью

для опытов – и все дела. Все это я прочел в ее глазах. Однако высказывать свои подозрения вслух она не стала.

– Почему вы помогаете мне? – спросила, помедлив.

– Требуется человек, который отвел бы меня домой, – объяснил я. – Солдаты пьяны, а Круму некогда – гостей много. Вы женщина крепкая, справитесь.

– Вы больны? – удивилась она.

– Хочу напиться. У меня, как и у солдат, сегодня жалованье. Ночевать у Крума желания нет – грязь и блохи. К тому же к ночи здесь все заблюют. Соглашайтесь! Мой дом через площадь, его легко узнать. Высокий забор, кованые ворота. Ключи – вот! – я выложил связку на стол. – В доме две спальни: на первом этаже и на втором. Если взберусь, лягу наверху. Не получится – свалите меня вниз. В сундуке есть свежие простыни и наволочки. В доме – водяной туалет и ванная. Разберетесь. Вода в баке теплая – нагрелась за день. Можно помыться и постирать вещи.

– Идет!

Ноэль протянула ладонь. Я торопливо хлопнул по ней и крикнул служанке:

– Сидра! Моего! Три кружки.

* * *

Проснулся я рано – у пьяниц плохой сон. Ночью я несколько раз просыпался, купировал боль в голове и забывался вновь. В комнате стоял полумрак – светало. Я сел и осмотрелся. Ночевал я в своей спальне. Ренийка выполнила договор, значит, по лестнице я влез. А вот попытка вспомнить это к успеху не привела. Последним, что задержалось в голове, была пустая кружка, которую я ставлю на стул, и сильная рука, подхватывающая меня за талию. Кажется, вслед нам кричали...

Я отрешился от воспоминаний и встал. В виски кольнуло, но я убрал боль. Пригляделся. Одежда висела на спинке стула, рядом стояли сапоги. Интересно, разделся я сам?

Решив не нагружать голову мыслями, я накинул халат, сунул ноги в тапочки и спустился вниз. Лестница ерзала под ногами, но я проигнорировал сей факт. Похмельный сидром, остаточные явления... Сонно включив свет, я открыл дверь туалета и чуть не врезался ногой в ведро с водой. М-да... Унитаз ренийка нашла и даже догадалась о его предназначении, о чем свидетельствовал опущенный стульчак, а вот поднести руку к фотоэлементу сливного бачка не сообразила. Впрочем, откуда ей знать? Унитаз в Мерсии существует в единственном экземпляре. Я привез его с Земли, как и прочее оборудование. Монтировал сам, поскольку сантехников в Мерсии нет. Их нет нигде на этой заброшенной планете. Даже в королевском дворце туалет типа сортир, который чистят золотари. Говорят, почетная должность...

Я выставил ведро в прихожую, справил свои дела и отправился в ванную. Скинув халат, встал под душ. Вода в баке остыла, но включать подогрев я не стал. Холодная сейчас в самый раз. Ежась и завывая, я вытерпел экзекуцию до конца. Придя в себя, растерся полотенцем, после чего глянул в зеркало.

На меня смотрело молодое лицо. Потемневшие от влаги длинные волосы, такая же борода, синие глаза под высоким лбом. Прямой нос, красные белки глаз. Дьявол! Личина слетела. Интересно, когда? Ночью, когда я спал, или, не дай бог, вчера? Последнее плохо. Истинный облик наверняка запомнили, и тогда из Ремса придется литься. А я только

обжился...

Прикрыв веки, я сосредоточился. Теплая волна пробежала от ног до макушки, окутав меня, как одеялом. Я открыл глаза. Из зеркала смотрел старичок: седенький и благообразный. Слегка помятый, но это несущественно.

Я выключил свет в ванной и выбрался в коридор. Из кухни доносилось шкварчание, и там кто-то пел. Ноздри учуяли жареное мясо, и рот наполнился слюной. Я потащился на запах.

На кухне хозяйничала ренийка. В этот раз на ней были шелковые персиковые шаровары и рубаха алого цвета. Ноги украшали туфли без задников с загнутыми вверх носами. Откуда она это взяла? Ее сумка в трактире была совсем маленькой. Увидев меня, Ноэль смолкла.

– Привет! – буркнул я.

– Доброе утро, мэтр! – она поклонилась. – Присаживайтесь! Как спалось?

– Хреново! – ответил я, мостясь у окна. Створки его были распахнуты, со двора веяло свежестью. То, что нужно. – Тирхи снились. Скакали по животу и показывали языки. Зелененькие.

Ноэль прыснула, но тут же приняла строгий вид.

– На завтрак – мясо, – сказала важно. – Я купила на рынке лопатку стикуля. Молодого.

– Он в этом признался? Под пытками?

– Нет, мэтр! – ренийка подавила смешок. – Но я разбираюсь в мясе. Бабушка научила.

– Вскипяти воду! – попросил я.

Ноэль пошарила взглядом по полкам, нашла кастрюльку и наполнила ее из ведра. После чего кастрюлька заняла место на плите. Краном ренийка не воспользовалась – не знает. В Рении водопровода нет. Как и в Мерсии, к слову.

Плиту ренийка раскочегарила от души, вода зашипела скоро. Я встал, снял с полки банку и щедро отсыпал в кружку коричневого порошка.

– Это что, мэтр? – любопытствовала Ноэль.

– Там, где я жил, это называют «кофе». Бодрящий напиток, который пьют по утрам.

– А можно мне?

Я отсыпал кофе в другую кружку. Вода вскипела. Я плеснул из кастрюльки в кружки, размешал ложкой и поставил на стол.

– Запах приятный, – сказала Ноэль, принохиваясь.

– Зато вкус горький, – обломал я. – Впрочем, можешь добавить меда. Вон там, в кадке.

– Буду, как вы, – отказалась Ноэль.

Поспел завтрак. Ренийка, подцепив мясо кинжалом, выложила его в тарелки и поставила их на стол. Я взял с полки вилку с ножом и пристроился у окна. На срезе мясо было слегка розовым, но прожарилось оно хорошо. Я положил в рот кусочек и медленно разжевал. Замечательно! Парной бифштекс сдобрили травами и в меру посолили. Мясной сок ласкал язык, даря ему незабываемые ощущения. Еще бы и хлеба! Однако купить его ренийка не догадалась.

– Вкусно! – похвалил я.

Ноэль зарделась.

– Можно и мне? – она указала на приборы.

Я кивнул. Она взяла с полки второй комплект, и некоторое время мы молча ели. Ноэль орудовала вилкой не слишком уверенно, но в рот попадала, так что куски мяса в воздухе не летали. Покончив с едой, я взял кружку и отхлебнул обжигающей жидкости. Благодарить!

– Горько! – сказала Ноэль, повторив мои движения. – Но все равно вкусно.

Спорить я не стал. Кофе с похмелья – это самое то. Кто-то предпочитает покрепче, но мне нельзя. Спиртного в доме я не держу. Иначе буду пить, пока не прикончу все.

Покончив с кофе, я посмотрел на Ноэль. Она с готовностью отставила кружку в сторону.

– Нам... это... не мешали вчера?

– Нет, мэтр! – покачала она головой. – Никто из солдат даже не встал. Правда, кричали вслед.

– Что?

Она покраснела.

– Понятно! – вздохнул я. – А дальше?

– Мы вышли на площадь, и вы запели.

Я поднял бровь.

– Язык незнакомый, – сказала Ноэль, – но я запомнила. – Она наморщила лоб и пропела:

К планете рвется наш десантный бот.

Разрывами закрыты небеса.

Не ссы в скафандры, забубенный взвод.

Нам жить на всех осталось полчаса...

Она выпевала слова с заметным акцентом, но все равно понятно. М-да...

– Дальше я не запомнила, – вздохнула ренийка. – Что-то «возьмет», «в рот» и другие такие же непонятные слова. Но песня хорошая, душевная. Мне понравилась.

Я закашлялся. Песню сочинили десантники, и слова в ней были соответствующие. Причем чем дальше, тем ядреней.

– Что было потом? – спросил я.

– Ничего! – пожала плечами ренийка. – Я открыла ключами двери, помогла вам войти в дом. Вы показали мне, где спать, и полезли наверх. При этом ругались.

– Как?

– Я не разобрала. Хотела вам помочь, но потом решила, что сами справитесь. Вы сильный, хотя и выглядите стариком.

Я облегченно вздохнул: личина ушла ночью.

– У вас хороший дом, – продолжила Ноэль. – Мне здесь нравится. Стоит встать в ванну, как сверху льется вода. Вышел – прекращает.

Ну да, фотоэлемент...

– Еще мне понравились светильники, которые зажигаются прикосновением к плашке. Я с ними сразу разобралась – там ладонь нарисована. И водяной туалет... Только ведра не было, и мне пришлось его искать.

– Ведро не требуется, – сказал я. – Достаточно поднести ладонь к плашке на бачке, и все смоеся. И на кухню воду носить тоже не нужно. Поставь кастрюлю в раковину, и она польется из трубочки сама. Поверни рычаг вправо – пойдет теплая.

– Магия! – восхитилась Ноэль.

Я промолчал. На крыше у меня солнечные батареи, энергии от которых хватает, чтобы осветить дом, закачать из колодца воду и подогреть ее. Когда солнца нет, подключаются

аккумуляторы. Они достаточно емкие, чтобы в автономном режиме обслуживать дом в течение трех суток. А вот на плиту энергии не хватает, поэтому она на дровах. Говорить об этом Ноэль я не стал – смысла нет. Она в доме не задержится. Переночевала, накормили друг друга – обязательства исполнены. Дальше – гуд бай!

Я раздумывал, как это лучше сказать, как вдруг в ухо мне задышали. Я повернул голову и заорал. Прямо перед моим лицом маячила крокодилья пасть, усеянная зубами, толщиной в палец. Из пасти капала на пол слюна. Услышав мой ор, хищник отшатнулся.

– Нэси! – Ноэль подбежала и шлепнула ладошкой по голове чудовища. – Я же велела лежать! Зачем влезла?

Чудовище рыкнуло и исчезло. За окном заворочались, и послышался тяжелый удар о землю.

– Что это было? – спросил я, судорожно сглатывая. Так и описать можно! И не только... Хорошо, что в туалет я уже ходил.

– Это моя дига! – сказала Ноэль. – Простите ее, мэтр. Она совсем молоденькая и очень любопытная.

Я встал и выглянул в окно. Во дворе дома лежал дракон. Небольшой такой – метров шести в длину. Это если считать туловище. С шеей и хвостом зверюга вытянулась почти во всю ширину двора, а он у меня не маленький. В данный момент Нэси задумчиво жевала куст флоксов, выдернутый из клумбы вместе с корнями. Вчера я их поливал...

– Простите, мэтр! – Ноэль покраснела. – Я не подумала. Нэси пожаловалась, что ей скучно, и я разрешила ей прилететь. У вас большой двор... К тому же понадобилось переодеться, а одежда в поклаже.

Я присмотрелся и разглядел на спине драконши притороченные ремнями сумки. Ближе к шее имелось большое седло.

– Я думала, она будет спать, – вздохнула Ноэль. – Ведь сытая: ночью ей удалось поймать свинью.

«Я даже знаю, чью, – подумал я. – Крум будет в ярости. Это его свиньи пасутся за городом».

– Зачем ты прилетела на драконе? – спросил я.

– На диге, – поправила она. – Дороги не безопасны. Обидеть девушку может всякий.

Она сказала это, потупив взор, но я не поверил. Беззащитной ренийка не выглядела ни разу. И вчера в трактире она не боялась. Возмутилась, что кто-то посмеет покушаться на ее честь, но не более.

– Вас кто-нибудь видел?

– Не думаю. Мы сели далеко от стен. Я оставила Нэси и пошла пешком. Думаете, следовало прилететь?

Если есть желание вызвать войну. Рениец на драконе воспринимается в Мерсии, как разведчик, вслед за которым идет армия. Слишком редки эти животные, чтобы на них путешествовали просто так. Диг использует знать или армию, что применительно к Рении одно и то же. В Ремсе объявили бы тревогу, вывели гарнизон на стены... После чего Ноэль, буде ее поймут, ждал суд – скорый и несправедливый. Шпионам дорога на эшафот. Принесло же на мою голову! Я собирался спровадить Ноэль сейчас, но придется ждать темноты. Пусть убирается потихоньку. Даст бог, пронесет.

Я собирался это сказать, как в ворота забарабанили. Началось! Тварь заметили и доложили, кому следует. Я выдохнул воздух и побрел к калитке, мысленно выстраивая

оправдательную речь. Она почему-то не складывалась – мысли путались.

Отпирать я не стал. Откинул заслонку в калитке и выглянул наружу. Снаружи топтался Слай. Выглядел он смущенно.

– Простите, мэтр! – сотник переступил с ноги на ногу. – Я понимаю, что еще рано, но нужна ваша помощь.

Подумав, я приоткрыл калитку и просочился наружу. Перед воротами сидели, стояли и лежали солдаты – десятка два. Одни прижимали к телам обвисшие руки, другие опирались на плечи товарищей, лица третьих были залиты кровью или напоминали омлет, жаренный с баклажанами. Многие были в повязках.

– У нас война? – поинтересовался я.

– Тьфу на вас, мэтр! – сплюнул сотник. – Накличете. Между собой подрались. Девок не поделили.

– У Кло?

– У Годара, – вздохнул Слай. – Кло – дама серьезная, у нее не забалуешь. А этот скотоложец набрал девок в деревнях и решил, что этого достаточно. Охраны нет, порядком не пахнет... – сотник вздохнул. – Так нам зайти?

– У меня не прибрано, – сказал я.

Брови Слая поползли вверх, но тут из калитки выскользнула Ноэль. Утреннее солнце прошило лучами ее легкий наряд, открыв всем прелести ее юного тела.

– Кхм! – откашлялся Слай. – Понятно. Ну вы и сильные, мэтр! Никогда бы не подумал...

– Ноэль! – перебил его я. – Сходи в дом и принеси сумку. Она в коридоре на лавке. На крышке – крест.

... Последующие часы пролетели в один миг. Я вправлял вывихи, сращивал сломанные руки и ноги, чинил челюсти и свернутые носы. Ноэль помогала. К моему удивлению, врачевать она умела. Лихо орудуя иглой, она зашивала раны, которые были слишком легки, чтобы требовать моего участия. Солдаты послушно терпели боль и даже не пытались с ней заигрывать. К полудню мы закончили. Солдаты разбрелись. Некоторые прихрамывали, другие придерживали сломанные ночью руки, но через день-два они будут полностью здоровы. Я устало прислонился к воротам. Ну и денек!

– Спасибо, мэтр!

Слай попытался сунуть мне пару монет.

– Лучше скажи Круму, чтобы прислал поесть и выпить! – покачал головой я. – На двоих.

– Сделаю! – кивнул Слай и затрусил к трактиру.

– Я принесу! – выпалила Ноэль и устремилась следом.

Я проводил их взглядом и пошел к себе. Дига во дворе спала, укрыв голову крылом. Почуввав меня, она сдвинула перепонку и приоткрыла веко, но, видимо, решила съесть меня на ужин, поскольку глаз закрылся. В доме я принял душ, поднялся к себе, где сменил белье и переоделся. Пропотевшую одежду бросил в угол. Завтра займусь. Стиралка у меня стоит в чулане, и я не хочу, чтобы ренийка ее видела. И без того впечатлений много.

Когда я спустился вниз, Ноэль заканчивала сервировать стол. На кухне пахло мясной похлебкой и свежим хлебом. Среди тарелок стоял запотевший кувшин.

– Почтенный Крум сказал, что это ваши любимые блюда, – сообщила Ноэль. – Я попробовала – вкусно.

Я кивнул и сел. Крум не подвел. Суп из свинины был густым и жирным. В него вбили яйца и хорошенько их размешали. Самое то с похмелья. Я плеснул в кружку сидра и взял

ложку. Ренийка присоединилась. Некоторое время мы сосредоточенно ели – проголодались оба. Насытившись, я отодвинул пустую миску.

– Сварить кофе? – предложила Ноэль.

– Давай! – кивнул я.

Угли в плите еще тлели. Ренийка подбросила в топку щепок и наполнила кастрюльку водой – в этот раз из крана. Быстро учится! Пока вода закипала, я допил сидр. Приятная тяжесть обволокла тело, вытеснив из головы тревоги. Все будет хорошо. Дигу в Ремсе не видели, а Ноэль... Ночью я отправлю ее подальше и забуду этот бедлам. Лягу пораньше и продрыхну до утра. Заслужил.

Кофе у Ноэль вышел жидким, но я не показал виду. Пусть ее! Ренийка прибрала посуду, затем вдруг достала кошелек и высыпала на стол монеты. Золотые.

– Это что? – спросил я.

– Плата. За то, что вы исправите мне нос.

Я поднял бровь.

– Вы сильный маг! – заторопилась она. – Сегодня вы сростили семь переломов, не считая ран. Я специально считала. Наши шаманы так не могут. И они не берутся исправить мне нос.

– Тебе это зачем?

– Меня не берут замуж, – насупилась она. – Считают уродиной. Мне двадцать лет, а я еще девственница. Представляете?

– С трудом, – сказал я.

– Поможете? – обрадовалась она.

– С девственностью?

Она вспыхнула.

– Не надо так шутить, мэтр! Мне обидно. Я хочу иметь мужа, рожать детей. Это плохо?

– Хорошо! – согласился я. – Но я не понимаю ваших мужчин. Ты красивая и умелая. Вкусно готовишь, лечишь людей. Летаешь на диге... Чего еще? Нос не уродует тебя. Наоборот, делает неповторимой.

– Они считают иначе, – не согласилась Ноэль.

– Значит, дураки. Зачем тебе глупец? Найди умного!

– У нас и с глупыми не очень, – вздохнула она. – В войну многие погибли. Мужчин мало. Раньше за невесту платили выкуп, а сейчас требуют приданое. За меня просят дигу, а она самое ценное, что есть в нашей семье.

Я глянул на монеты – их было с десятков на беглый взгляд. Вдвое больше моего месячного жалованья.

– Пойдем! – сказал я.

В коридоре я подвел ее к зеркалу.

– Какой хочешь нос?

– Красивый! – заулыбалась она.

Я подумал и накинул на нее личину.

– Такой?

– Слишком маленький! – закрутила она головой.

– А этот?

– Большой!

– А теперь?

– Толстый...

Через десять минут я кипел. Подбор личин тянул силы, а их и без того мало. Смертельно хотелось прилечь, вздремнуть часок...

– Так! – сказал я. – Ввиду несогласия клиента, сделка аннулируется. Забирай свое золото! Как стемнеет, покинешь дом. Не нужно, чтоб дигу видели.

– Мэтр Гро! – она вцепилась мне в руку. – Пожалуйста! Мне трудно выбрать. Может, вы сами?

– Я не из Рении и не знаю, какие женщины у вас ценятся.

– Умоляю!

Я глянул на ее лицо. Овал, острый подбородок, высокий лоб. Если нос будет средней величины и прямой, получится отточенная, но строгая красота. Слишком холодная. «В лице женщины должно быть что-то неправильное, – учил меня отец. – Совсем немного, но обязательно. Совершенная красота отпугивает».

Отец знал, что говорил. У него – лучшая клиника на Земле. Несмотря на дикие цены, очередь в ней расписана на несколько лет вперед. «Пластика Куглера» – межпланетный бренд. Отец говорил, что у меня талант, и собирался передать клинику мне. Он не знал, что сын у него дурак...

– А если так?

Ноэль отпустила мою руку и впилась взглядом в зеркало. На нас смотрело незнакомое лицо. Небольшой, вздернутый носик с аккуратно прорисованными ноздрями придавал ему задорный и слегка насмешливый вид. Сорванец – вздорный, но милый.

– Мне нравится! – захлопала в ладоши ренийка. – Сделайте мне такой! Прямо сейчас!

Ответить я не успел. За окном взвыла труба. Сначала одна, за ней – другая, потом – третья. Сигнал подавали со сторожевых башен. Это могло означать только одно: к стенам Ремса подходили враги. Все-таки накликал...

2

Над толпой, текущей на поле под стенами, развевался черный флаг с какой-то кракозяброй в центре. Сильный ветер полоскал полотнище, отчего казалось, что кракозябра прыгает, пытаясь покинуть ткань.

– Шида, – сказал Слай и уточнил: – Последователи бога Хамму.

– Почему не хамиты? – спросил я.

– Потому что у Хамму есть пророк Шид. Он и командует этой мразью.

Слай сморщился.

– Они из Рении или Мерсии? – спросил я.

– Отовсюду! – Слай сплюнул. – Их вера расплзается по всем странам, как черная смерть. Раньше они сидели в глухих углах, теперь окрепли и захватывают города.

– Для чего?

– Устанавливать равенство и справедливость.

«Значит, будут резать!» – подумал я.

– В захваченных городах они первым делом казнят правителей и жрецов, – подтвердил мою мысль Слай. – Остальным предлагают принять их веру. Кто отказывается, убивают, забрав имущество. Это мужчин. Женщин щадят. Если те принимают веру, их выдают замуж

за кого-то из своих, не принимая в расчет, есть ли у нее муж или жених. Тех, кто отказывается, насилуют и отдают на утеху воинам.

Ренийка рядом со мной злобно фыркнула.

– Это они называют справедливостью? – поинтересовался я.

– Кто не поклоняется Хамму, для них не человек, – мрачно сказал Слай. – Неверный.

Такой не должен жить.

– Шида хорошие воины?

– Дерьмо! Резали мы их... Но я слышал: у них появились хорошие командиры. Вроде как офицеры из королевской армии, принявшие их веру. Если это так, нам конец. Их здесь десять на одного моего воина, если не все двадцать.

Я глянул в бинокль. Толпа приблизилась, и стало видно, что ей управляют, причем неплохо. Шида строились в колонны, тащили высокие щиты, а из тыла упряжки быков волокли какие-то сооружения. Я присмотрелся. Так... Тяжелая рама на полозьях, стойки, укрепленные мощными раскосами, длинное коромысло с противовесом. Похоже на требюшет из земной истории.

– Можно мне? – попросил Слай.

Я протянул ему бинокль. Сотник поднес его к глазам и крикнул, пробормотав: «Магия!» После чего застыл, обшаривая окулярами подступившее к стенам войско. Так продолжалось довольно долго. Затем сотник выругался и вернул мне бинокль. Лицо у него было таким, что я остерегся спрашивать. И без того ясно. Я повернулся к полю.

Действовали шида слаженно. Пока Слай наблюдал, они установили машины, отогнав быков в тыл. Теперь воины, словно муравьи, разгружали подъехавшие повозки. Я поднес бинокль к глазам. К моему удивлению, это были не камни. Небольшие бочонки, похожие на пивные кеги, только деревянные и скрепленные обручами. Их шида складывали в пирамиды у метательных машин.

– Что в бочках? – спросил я.

– Огненное зелье, как я понимаю, – вздохнул Слай. – Что ж еще? Это тайное оружие королевства. С его помощью мы победили в последней войне. Предатели! – он саданул кулаком по каменному зубцу башни. – Выдали секрет. Пропали мы, мэтр! Сейчас они забросают бочонками город, вызовут пожары, затем подойдут ближе и взорвут зельем ворота. Нам останется умереть.

В подтверждение его слов коромысло одной из машин дернулось. Кувыркаясь в воздухе и оставляя за собой дымный след, бочонок полетел к городу, но, не достигнув стен, упал в ров. Спустя пару секунд там сверкнул огонь, раздался грохот, и вверх полетели комки земли. Клуб серого дыма растекся в воздухе, достигнув башни. Я принялся – сера. Порох! Самый обыкновенный, дымный. Вот, значит, каков страшный секрет!

– Не рассчитали противовес, – прокомментировал бросок Слай. – Сейчас поправят.

В подтверждение его слов, возле машины засуетились шида. Некоторые тащили к ней камни. Я колебался недолго. Мерсия мне не Родина, но я ей служу. Лекарем, но все же. В Ремсе у меня дом. Я его перестроил, вложив немало труда. А теперь все это отберут?

Я сунул бинокль в карман и снял с плеча лучевик. Накопитель скользнул в магазин, прицел щелкнул, встав в рамку.

– Что это, мэтр? – спросил Слай.

– Магический посох! – сказал я. – Испускает лучи смерти. Отойдите!

Слай отшатнулся, Ноэль – следом. Вот и ладушки! Тем временем требюшет метнул

второй снаряд. Бочонок ударил в стену, отскочил в ров и взорвался там – с тем же эффектом. Пристреливаются...

Я вскинул винтовку к плечу. Перекрестие прицела скользнуло по бочонкам, застыв на нижнем. Автомат зафиксировал цель и внес поправки. Я нажал спуск.

С расстояния двухсот метров луч прожег клепку вмиг. Окуляр прицела затопило пламя. Затем пришел гул. Площадка под ногами вздрогнула и заходила ходуном. Я оторвался от прицела. На поле за стенами царил ад. В воздух взлетели куски машины, разорванные тела и не сдетонировавшие бочонки, некоторые из которых дымили фитилями или зажигательными трубками – не знаю, что у них там. Бочонки взрывались, засыпая окружающее пространство осколками. Один из них летел к башне.

– Прячьтесь! – крикнул я, хоронясь за зубцом.

Слай с Ноэль порскнули под стену. Снаружи грохнуло. Осколки забарабанили по зубцам, некоторые влетели внутрь и ударили в противоположную стену башни. Некоторые запрыгали по полу. Я присмотрелся: куски обручей, щепки от клепок. Острые! Такая попадет в тело – и ага! Страшнее металлических осколков. Вытащи ее потом!

– Что это было? – спросил Слай.

– Содом, – сказал я, выпрямляясь. – Сейчас будет Гоморра.

Расстояние до второй машины было вдвое больше – дистанция предельная. В норме из лучевика бьют импульсами. Тонкий, с вязальную спицу, луч прожигает даже броню скафа. Но это в космосе. Там нет атмосферы, и лучевик – самое то. А вот на планете – нет. Воздух, туман, дым – все это препятствует распространению луча, поэтому в войнах на поверхности это оружие не применяют. Пулемет или снайперская винтовка куда эффективнее. Только где брать к ним боеприпасы? Патронных фабрик на Зоэ нет. Здесь и порох – секрет.

Я сдвинул регулятор до упора. Хватит на пару секунд, но луч выйдет мощный. Не получится – повторим, запасной накопитель у меня в кармане. Поле тем временем затянуло пороховым дымом. В нем суетились люди, вопили раненые – да так, что их ор достигал башни. Можно представить, как им хреново. Звиняйте, хлопцы, но я вас не звал. Мне не нравится ваш бог, и я не люблю, когда насилуют женщин. Вот такой я не толерантный человек. Лучемер взлетел к плечу.

Дым мешал автомату. Я отключил его и навел перекрестие на бочонки. Главное – угодить в клепку. Обруч луч не прожжет – не хватит энергии. Я вдавил спуск. Ослепительно-белый луч уперся в бочонок. От клепки пошел дымок, я видел его сквозь оптику. Ну же, ну!.. Луч истаял, и в следующий миг в окуляре полыхнуло. Грохот долетел позже. Густой дым заволок поле, мешая разглядеть картину. Там что-то сверкало, вылетали дымящие бочки, они рвались в воздухе или падали в пелену, бухая уже там.

– Нефиг оставлять огнеприпасы в виду врага, – пробормотал я. – Для них следует вырыть ровик и обваловать его. Боевой устав пехоты, глава тринадцать, пункт шесть.

Мое бормотание заглушил восторженный рев. Я повернул голову. Солдаты на стенах трясли копьями и вопили, распялив рты. Я спрятал лучемер за спину.

– Мэтр!

У подошедшего ко мне Слая в глазах было... Так, видимо, смотрели на Бога, обратившего в бегство моавитян^[1].

– Не говори об этом никому, – попросил я. – Не надо.

В глазах сотника мелькнуло понимание.

– А она? – Слай указал на Ноэль.

– Будет молчать, – заверил я, – или останется без носа.

Ноэль торопливо закивала. Слай понял это по-своему. «Ну ты зверь! – говорил его взгляд. – Оторвать женщине нос...»

– Шиды пойдут на приступ? – спросил я.

– Теперь вряд ли, – покрутил головой Слай. – Машины разрушены, других нет, а у них много раненых и убитых. Им не до нас. К тому же понадобятся лестницы, а они их не заготовили – не видел.

– Тогда пойду спать, – зевнул я. – Притомился. Если, конечно, нет раненых.

Раненых не оказалось. Сопровождаемый ренийкой, я побрел к дому, где быстро разделся и повалился в постель. Не забыв перед этим сунуть накопитель в зарядник. Кто их знает, шидов?

* * *

– Проснитесь, мэтр! Скорей! Пожалуйста!

Меня трясли за плечо. Я открыл глаза. Сверху маячило лицо со знакомым шнобелем. Увидев, что я проснулся, Ноэль отступила. Я сел. В спальне горел свет, а за спиной ренийки маячил Слай. Он здесь зачем?

– В городе шиды! – буркнул сотник.

– Что?

Я вскочил как был – в трусах – и уставился на ночных гостей.

– Им открыли ворота, – сказал Слай.

– Блин!..

– Это измена, мэтр! – Слай говорил тяжело, будто выплевывая камни. – Пост, охранявший ворота, вырезали.

– Шиды?

– Городская стража. Она подчиняется наместнику.

– Мать! Мать! Мать!..

Слай кивнул, соглашаясь.

– Стражи, как думаю, собирались вырезать всех. Но мы не спали, на улицах были расставлены посты. Стражей мы – вот! – сотник будто растер между ладонями таракана. – Но шиды успели.

– Они захватили Ремс?

– Пока нет. Мы забаррикадировали улицы и держим центр и половину города. Они не спешат: ночью плохо биться. С рассветом они забросают нас стрелами и пойдут на приступ. Сомнут вмиг – нас мало. Поэтому мы оставляем Ремс. Северные ворота в наших руках, шидов за ними нет.

– Когда уходите?

– Скоро, – сказал Слай. – Надо спешить. За перевалом – крепость, надо добраться затемно. Парни собирают жителей. Среди них – женщины и дети. Они двигаются медленно, поэтому пойдут вперед. Думаю, уже пошши, – добавил он.

«Молодец! – подумал я. – Мужик! В первую очередь спасает мирняк. Уважаю».

– Вы с нами, мэтр?

– Да! – кивнул я.

– Тогда не задерживайтесь! – попросил Слай. – Не берите много вещей – только самое необходимое. Король возместит ущерб.

Он вышел. Я сел на койку.

– Мэтр! – сказала Ноэль. – Вам нельзя с ними.

Я уставился на нее.

– Сотник не все сказал. Я слышала, как шиды кричали: «Ищите мага! Тысячу золотых за его голову!»

«Она была на улицах?» – удивился я.

– Шиды хотят вас убить. Узнают, что ушли с сотником, бросятся в погоню. У них верховые стикули, догонят быстро. Вы не дойдете до перевала.

– Что предлагаешь?

– Нэси вынесет двоих.

– Идет! – сказал я. – Поспешим!

Когда я спустился вниз, Ноэль встретила меня криком. Перед ней выросло жуткое существо. На мне был комбез-хамелеон с наколенниками и налокотниками, десантные берцы и тактический шлем с визором. Добавьте бронежилет – мягкий, но способный выдержать удар любого оружия в этом мире, разгрузка с полным комплектом боеприпасов, поясная и набедренные кобуры, естественно, не пустые, и лучевик за спиной. Я бросил на пол рюкзак и поднял забрало-визор.

– Мастер Гро! – Ноэль облегченно выдохнула. – Вы напугали меня.

– Готова? – спросил я.

Она кивнула. Мы вышли во двор. Покидая дом, я выключил свет и активировал систему защиты. Через пять минут она подаст ток на все металлические элементы в доме и ограду. Любого, кто их коснется, так пиз... Ударит, короче. А что? Не пропадать же энергии? Батареи работают, жильцы уехали...

За воротами нас ждал страж. Увидев меня, он схватился за меч, но я успокоил его, сняв шлем.

– Я за вами, – сообщился солдат. – Сотник велел проводить.

Или отконвоировать...

– Передай Слаю, чтобы не ждал.

– Но...

– Я улетаю. Посторонись!

Страж отошел, и я открыл ворота. Шагая вперевалку и волоча хвост, на площадь выбралась Нэси. Страж ойкнул и отбежал в сторону. Я притворил створки и навесил на петли замок. Ключи сунул в карман разгрузки. В Средние века евреи, изгоняемые из Испании, уносили ключ от дома. Как память и надежду на возвращение. Добрый обычай!

Дига присела, я надел шлем и взобрался в седло позади Ноэль. Она подала ремни с крючьями. Я прицепился к седлу. Не карабины, конечно, но удержат. Ноэль ударила дигу каблуками. Та встала и побежала по площади, цокая когтями по камням. Несколько фигур шатнулись в стороны. Дига расправила крылья, взмахнула ими раз, другой – и мы взлетели. Крыши домов поплыли вниз, и мне показалось, что мы не летим, а падаем в звездное небо. Здесь оно, как на Земле – огромное, и удивительно красивое. Только созвездия другие. Я тронул плечо Ноэль:

– Сделай круг над городом!

Ренийка, не оборачиваясь, мотнула головой. Ее украшал кожаный шлем с нащечниками.

В этом наряде Ноэль удивительно походила на земных пилотов начала XX века. Не хватало только очков-консервов. В то время кабины были открытыми, а на первых аэропланах их и вовсе не было. Только кожаный костюм мог защитить пилота от напора холодного воздуха. Теперь ясно, почему Ноэль явилась в Ремс в таком наряде.

Дига повернула, и я активировал ноктовизор. К северным воротам шли люди. Они тащили узлы и вели за руки детей. Беженцев было много, но суеты не чувствовалось. Я разглядел на улицах солдат. Выстроив коридор, они направляли людской поток в нужную сторону. Нет, Слай все-таки голова! Четко работает.

Нэси повернула к югу, и мрак стал отступать. У южных ворот горели костры. Возле них застыл круг воинов. Я выключил ноктовизор и приблизил изображение. Что тут у нас? Похоже, важное совещание. Черное знамя, охрана по периметру, в центре несколько воинов в начищенных доспехах. Рядом – жирная фигура в мешковатом камзоле. Похоже, правитель города – это он у нас такой стройный. О чем-то спорит с захватчиками, размахивая руками...

Картинка улетела назад.

– Ноэль! – попросил я. – Поверни к кострам!

Она кивнула, дига заложила вираж. Я вытащил из разгрузки две плазменные гранаты. Нет, я не злой человек, боже упаси! Люблю котов и собак, обожаю детей. Глажу их по головкам. А вот предателей ненавижу. И к оккупантам я не очень...

Большими пальцами рук я отщелкнул предохранители. Гранаты взорвутся, коснувшись поверхности. В радиусе двадцати метров выгорит все живое. И неживое тоже.

Ноэль, как чувствуя, вела дигу так, чтоб мне было удобно бросать. Высота не более ста метров. Теперь главное рассчитать упреждение...

Первый цилиндр пошел вниз, следом устремился второй. Еле заметные в фоне костров, они упали практически одновременно. Первый – с недолетом, а вот второй угодил точно в круг. Мастерство не пропьешь, хоть мы и старались...

Внизу пыхнуло так, что осветился небосвод. Дига заревела и замахала крыльями, стремясь в высоту. Меня качнуло в седле.

– Что это было, мэтр?! – повернулась ко мне Ноэль.

– И пролил Господь на них дождем серу и огонь с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и все произрастания земли^[2], – процитировал я.

– Магия! – кивнула Ноэль.

– Можно сказать и так, – не стал спорить я. – Куда летим?

– Неподалеку есть место... Там нет людей, но много дичи. Чистая вода в ручье и маленькое озеро. Можно переждать несколько дней.

В ее голосе звучали просительные нотки. Ну да, я обещал ей нос. С другой стороны, предложение дельное. Надо прийти в себя, подумать, что делать дальше.

– Выпивка там найдется? – поинтересовался я.

– Будет! – заверила Ноэль.

– Тогда летим! – сказал я.

– Среди нас были женщины и дети, – заторопился Слай, – они замедляли движение, поэтому к перевалу мы добрались лишь с рассветом. Я велел жителям взять тяжелораненых воинов и идти в долину, а оставшимся приказал готовиться к бою. Следовало задержать погоню.

Шут загремел колокольчиком. Этон бросил в его сторону недовольный взгляд.

– Однако погони не было, – продолжил Слай. – Мы простояли до полудня, после чего я решил послать в Ремс разведку.

– Почему не ушел? – спросил Этон. – Ведь люди и раненые добрались.

– Меня удивило поведение шидов, – ответил Слай. – Следовало понять, чего они медлят? Разузнать, что задумали.

Шут зааплодировал.

– Угомонись! – шикнул Этон и дал знак сотнику продолжать.

– У нас были стикули, поэтому разведка вернулась скоро. Доложила, что шидов в городе и вокруг нет. Ушли. Ворота стоят открытыми, на улицах – никого.

– Странно! – сказал Этон.

– И я не поверил, – кивнул Слай. – Поэтому отправился в Ремс сам. Парни не обманули. Мы обнаружили в городе брошенное оружие, повозки с запасами, но самих шидов не оказалось. Они даже не увели жителей – тех, кто остался. Мы их расспросили. Люди поведали, что в городе был пожар, но от чего он возник, не знают, поскольку боялись выходить из домов. Утром они обнаружили, что шидов нет. Мы осмотрели город. Площадь перед южными воротами и вправду выгорела, но я не сказал бы, чтоб сильно. Три дома, стоявшие ближе к воротам, закоптило, остальные целы. Я ничего не понимал. И тут парни притащили Геду.

– Кого?

– Старуху. Живет в доме неподалеку от ворот. Той ночью она смотрела в окно – у нее бессонница. Да и другие жители не спали, – Слай вздохнул. – С ее слов, ночью перед воротами собрались вожди шидов. Они говорили с благородным Кратом.

– Дерьмо Кратом! – влез шут. Этон сделал вид, что не заметил.

– Они о чем-то спорили, махали руками. В этот миг с неба упали два камня. Геда говорит, что точно видела. У нее, несмотря на старость, глаза как у молодой. После этого на площади и полыхнуло. Она даже ослепла на время. А когда проморгалась, то увидела, что на площади горят шиды, остальные бегут.

Шут свистнул.

– Мы проверили ее слова, – поспешил Слай. – Там действительно горели люди, – сотник помялся. – Мы это поняли не сразу. Жар был таким, что плавилась броня и оружие, даже камни. От многих даже праха не осталось. Но те шиды, что стояли поодаль, обгорели не так сильно, и мы поняли, что Геда не врет.

– Крат тоже сгорел? – спросил Этон.

– Вот!

Слай вынул из сумки и протянул ему кусок металла. Этон взял его и рассмотрел. Уродливый слиток золота, ни на что не похожий. Но тут Этон заметил лучик, торчавший сбоку. Потрогал его пальцем. Сомнений не оставалось: звезда правителя, оплавленная в огне.

– Жаль! – сказал подошедший шут. – Крата следовало посадить на кол или повесить за ребро. Легко отделался.

– Кто, по-вашему, сжег шидов? – спросил Этон.

– Говорят, что Бог, – сказал Слай.

– Но ты не веришь? – хмыкнул шут.

– Нет! – покачал головой сотник. – Это Гро.

– Почему так решил? – спросил Этон.

– Судите сами, Ваше Величество! Сначала он с помощью посоха уничтожает огненное зелье и машины шидов. Причем делает это так быстро, что я не успел даже толком рассмотреть. Потом выясняется, что у него и его ренийки есть дига. Страж, который ждал мэтра, рассказал, что Гро вышел из дома не похожий на себя. На нем была странная одежда и шлем с личиной. Из чехлов на ремнях и из карманов торчали странные предметы. Я думаю, что это было оружие. Они с ренийкой сели на дигу и взлетели. А после сгорели шиды.

– Умница! – сказал шут.

– Уходя, вы не видели пожар? – спросил Этон.

– Нет, Ваше Величество! Северные ворота находятся на противоположной стороне города. Вид на юг заслоняют дома. Мои воины к тому времени ушли с улиц. Мы спешили и не смотрели назад. Да и не ждал никто...

Слай снова вздохнул.

– Гро не вернулся? – спросил шут.

– Нет! – сказал Слай. – Я не знаю, куда он улетел. Мэтр этого не сказал.

Этон знаком велел шуту молчать.

– Благородный Слай...

– Я простолюдин! – возразил сотник.

– Не перечь королю! – влез шут. – Ему виднее.

Этон усмехнулся.

– Благородный Слай, за преданность короне и проявленные в битве с врагом отвагу и ум я возвожу тебя в чин тысяцкого и поручаю тебе Ремс и прилегающие к нему земли. Ты будешь править в нем, как в моем лене, подчиняясь лишь королю. Я укреплю гарнизон воинами, и ты сам решишь, как ими командовать. Храни город! Это ключ к сердцу Мерсии. Будешь служить верно, и я сделаю тебя ноблем. Войдешь в мой ближний круг.

– Ваше Величество! – Слай рухнул на колени.

– Встань! – сморщился король. – Благородный преклоняет колени только перед богами.

А я смертный. Иди и отдохни с дороги.

Слай вскочил и, пятась, вышел из зала. Шут поаплодировал ему вслед.

– Что скажешь? – спросил Этон, после того как Слай исчез.

– Ты дурак, братец! – сказал шут.

– Это из-за Крата? – поинтересовался король.

– Само собой! – подтвердил шут. – Говорил же тебе, что он вор.

– За него ручались, – сказал Этон. – Клялись.

– Хорошо, ты не единственный дурак в королевстве, – усмехнулся шут. – Есть и глупее.

Надеюсь, ты понял, что они дали повод?

Король кивнул.

– Через день я хочу видеть их головы на кольях. Откажешь – уйду в обитель. И ты сдохнешь от скуки.

– Что им предъявить? – спросил Этон.

– Измена Мерсии, выразившаяся в заговоре с целью сдачи Ремса и последующего

захвата власти в королевстве.

– Уверен?

– А ты – нет? – усмехнулся шут. – Откуда у шидов метательные машины? А огневое зелье? Самый охраняемый секрет империи оказался у каких-то бродяг. Кто его передал? Мы с тобой? Этот секрет знают пять человек в королевстве, не считая каторжников, которые смешивают порошок. Но побегов с их стороны не было, а посторонние лица каторгу не посещали. Тюремщики все на местах. Я проверил. Зелье взяли из арсенала, которым руководит Блист. Больше неоткуда. Прикажи провести там ревизию, и убедишься сам. Глупцы! Они не побоялись подставить шеи под топоры – думали, что успеют. Ремс должен был пасть, открыв дорогу к столице. Появись шиды у стен, в Блантоне вспыхнул бы мятеж.

– Ты это знал? – поднял бровь Этон.

– Разумеется! – сказал шут. – Работа такая. Думаешь, почему я попросил придвинуть армию к городу? Ты еще ругался. Дескать, возле границ она нужнее.

– Когда-нибудь я тебя убью! – пообещал король.

– Уже трясусь! – шут изобразил на лице испуг.

– Они признаются на допросах? – спросил Этон.

– У старины Филадельфия? – засмеялся шут. – К вечеру они скажут, что спали с собственными матерями, и от этого кровосмешения появились на свет. Иногда я подозреваю, что так оно и есть. В течение стольких поколений воспроизводить исключительное дерьмо! Клятвопреступники, воры, трусы, предатели...

– Опора трона! – возразил король.

– Твоя опора – Слай! – рявкнул шут. – Он мог увести из города свою сотню, и его никто бы не упрекнул. За жителей отвечает правитель. Но Крат оказался изменником и сдал город, поэтому жителей спас Слай. На перевале он собирался умереть, чтобы дать им возможность уйти. Кто из твоих благородных поступил бы также? А Слай даже награды не попросил.

– Не кипятись! – миролюбиво сказал король. – Сам вижу. Жалко мне дураков. Вместе росли, учились...

– Валяли девок, – продолжил шут. – Пора мудреть, братец! Не мальчик уже. Внуки есть.

– Где? – удивился король.

– А я знаю? – ухмыльнулся шут. – Где спал с девками, там и ищи.

– Тьфу на тебя! – сплюнул Этон. – Я уже испугался.

Шут захохотал.

– Ладно! – сказал король. – Распоряжусь.

– Наконец-то! – зааплодировал шут.

Этон вздохнул.

– Я тоже дурак, – сказал шут. – Увлёкся заговором и проспал Гро. Его нельзя было упускать – ни в коем случае.

– Как он оказался в Ремсе? – спросил король.

– Пришел, – хмыкнул шут. – Откуда – неведомо. Явился к Слаю и заявил, что он лекарь. Тот обрадовался – маг в Ремсе! Но виду не показал. Решил проверить. У него перед этим воин сломал ногу – упал пьяным. Гро сростил ему перелом так, что воин встал и пошел. Сразу! Слегка прихрамывал, конечно, но сам.

– Да ну?! – не поверил король.

– Я больше скажу, – продолжил шут. – Перед приходом шидов гарнизону выплатили жалованье. Воины выпили и передрались. Переломали друг другу руки и ноги,

посворачивали носы и челюсти, проломил головы. Из строя вышло два десятка человек.

– Слай этого не говорил! – удивился король.

– А чем хвастаться? – усмехнулся шут. – Его могли наказать. Враг у стен, а двадцать воинов небоеспособны. Мне рассказали об этом люди сотника. Я не пожалел им вина, – шут улыбнулся. – Так вот. Гро вернул покалеченных в строй к полудню.

– Не может быть! – воскликнул Этон.

– Может! – возразил шут. – Когда за дело берется маг, а не шарлатаны из Корпорации.

– Они сильные маги! – не согласился король.

– Кто?

– Ну... – Этон замялся. – Мэтр Дун.

– Который не смог вылечить собственную жену?

– У нее была тяжелая болезнь.

– А у воина с проломленной головой – легкая? Очнись, братец! Твоя Корпорация давно стала сборищем невежд, которые только и умеют, что надувать щеки и махать руками. В члены принимают исключительно детей магов, их племянников, других родственников и друзей. А с чего не порадеть? Получил патент – и ты в золоте. Чужаков в Корпорацию не берут – они же отберут хлеб у своих. Думаю, Гро это знал.

– Поэтому отправился в Ремс?

– Именно! – подтвердил шут. – Он точно рассчитал. В пограничных городах лекарей нет. Шарлатаны из Корпорации туда не едут – здесь сытнее. Неудивительно, что Слай обрадовался Гро. Я слежу за донесениями с границ и обратил внимание, что в Ремсе появился лекарь. Однако значения не придавал. Думал, какой-нибудь шарлатан. Даже подозревал, что Слай присваивает это жалованье. Планировал разобраться позже. Эх, братец! У нас в королевстве был великий маг! Чудный лекарь, гроза врагов. Эти лучи смерти, камни, что сжигают врагов...

– Думаешь, он в Рении? – спросил король.

– Возможно. Если вспомнить, с кем улетел.

– Подстроено?

– Трудно сказать. Среди прибывших со Слаем есть трактирщик. Его зовут Крум. Утверждает, что ренийка и маг встретились случайно.

– Что делает здесь трактирщик?

– Хлопочет о компенсации. Шиды разграбили его имущество.

– Что сказал Крум?

– Ренийка явилась в Ремс накануне. Пришла к Круму, чтобы поесть. Момент, надо сказать, выбрала неудачный. Гарнизону выплатили жалованье, солдаты пили. Свободных мест не было. В одиночку за столиком сидел лишь Гро.

– Почему?

– Крум утверждает, мэтр так требовал.

– Трактирщик не возражал?

– Гро щедро платил. Он вылечил дочь Крума – у нее была сухая рука – и не взял платы. Крум готовил ему отдельно.

– Неудивительно! – сказал король. – Маги – они капризные. То им не так, то не эдак.

Шут, соглашаясь, кивнул.

– Продолжай! – велел Этон.

– Гро не хотел, чтобы ренийка присоединилась к нему. Но та проявила вежливость, и

маг сдался.

– Она хороша собой?

– Крум говорит, что не очень. Молода, стройна, крепкого сложения, но не красавица. Однако чем-то приглянулась магу. Тот накормил ее из своих блюд, после чего напился. Ушли они вместе. При этом ренийка придерживала Гро, а тот пел.

Этон засмеялся.

– Крум был удивлен. Ранее женщины мэтра не интересовали. В Ремсе есть бордель для солдат, но Гро его не посещал.

– Я его понимаю, – хмыкнул король. – Представляю тех красоток!

– Крум объяснял это возрастом Гро. На вид ему лет шестьдесят.

– Посмотрел бы я на эту ренийку! – воскликнул Этон.

Шут хмыкнул.

– Но-но! – сказал король. – Я еще ничего. Не так, как в молодости, но женщины не жалуются. Из того, что ты рассказал, ясно одно: Гро улетел навсегда.

– Вряд ли.

Этон уставился на собеседника.

– Если б Гро хотел жить в Рении, он не пришел бы к нам. Однако он выбрал Мерсию и заштатный городок. Как думаешь, почему?

– Тихая жизнь, – пожал плечами король. – А он старый.

Шут захохотал.

Король насупился.

– Ах, братец! – сказал шут. – До чего же ты у меня глупый. Подумай сам! Старый человек знакомится с молодой ренийкой и ведет ее к себе. Из трактира они идут в обнимку, при этом старик громко поет. Наутро он не впускает в дом сотника, утверждая, что там не прибрано. Интересно что? Затем он разом вылечивает двадцать воинов, взбирается на башню, откуда уничтожает машины и огневые запасы шидов, и возвращается к себе – поспать. Что же он делал ночью? И вот Слай сообщает ему, что город сдан. «Старик» встает, обвешивается оружием, надевает шлем и улетает на диге. По дороге сжигает шидов. Тебе сколько лет, братец?

– Ты же знаешь! – сказал король. – Сорок.

– А Гро, если верить Слаю, – шестьдесят. Ты бы смог повернуть то же, что и он, за тот же срок?

– Я не маг! – открестился король.

– Маги – люди, такие же, как и мы с тобой. Они болеют, стареют и умирают. В шестьдесят лет человек – развалина. Ему не нужны женщины, он не любит много ходить, избегает лестниц. Башня в Ремсе высотой в сорок локтей, я узнавал. Наверх ведет лестница с высокими ступенями. Гро взобрался по ней, не запыхавшись.

– Откуда знаешь? – удивился король.

– Спрашивал, – усмехнулся шут. – Ни Слай, ни его воины не обратили на это внимания. А стоило.

– Ты думаешь?..

– Личина! – подтвердил шут. – Это и наши могут. Гро выдавал себя за старика.

– Зачем?

– Первое, что думаешь, – для солидности. Пожилому лекарю верят больше. Но в Ремсе не было других магов. Значит, скрывается.

– Знать бы от кого! – сказал король.

– Он не местный. Язык Мерсии ему чужой. Но он не из Рении – выговор другой.

– Из Хайрии? – задумался король и ответил себе сам: – Вряд ли. Хороших магов там нет.

Когда заболеют, едут к нам. Тиррана? Далеко. Даже морем плыть более луны.

– Жить захочешь – поплывешь, – сказал шут. – Не о том говорим. Как наградишь Гро, если вернется?

– Дам тысячу золотых!

– Всего?

– Патент мага.

– И только? Человеку, который обратил вспять армию врагов? Ты скуп, братец!

Этон нахмурился:

– Что предлагаешь?

– Личный лен в наследственное владение. Звание придворного мага. Должность главы Корпорации с правом пересмотреть выданные патенты и отобрать их у шарлатанов.

– Его сожрут!

– Мы защитим.

– Как?

– Женим на дочери могущественного человека.

– Чьей?

– Твоей.

– У меня нет дочери!

– Разве? – сощурился шут.

– Ну... – смутился король. – Она внебрачная. Я не видел ее много лет и даже не знаю, жива ли.

– Жива! – успокоил шут. – Хотя могла и умереть. Девочке пришлось несладко. Ее растила бабушка, поскольку муж матери невлюбил падчерицу. Хорошо, что у девочки есть дядя, который помнил о ней и помогал деньгами.

– Брат!

– Не надо благодарить! – сказал шут. – Сам знаю, что я хороший.

– Она красива?

– Похожа на отца.

– Бедная девочка! – покачал головой король.

Шут засмеялся.

– От тебя у нее только одна черта. Правда, приметная. Опознаешь с ходу. Мы договорились?

– Я подумаю, – сказал Этон. – Она все же моя дочь.

– Ты не исправим! – покачал головой шут.

– Надо сначала взглянуть на дочку, – смутился король.

– Тогда пошлю в Муг гонца, – сказал шут. – Пусть едут с матерью.

– Это обязательно? – сморщился король.

– Боишься? – сощурился шут.

– Королева ревнива, – вздохнул король. – Сам знаешь.

– Останутся у меня. Места хватит.

– Ах брат! – сказал Этон. – Не тому Боги дали корону. Хотел бы я поменяться с тобой местами!

– Не получится! – хмыкнул шут. – Во-первых, я бастард. Во-вторых, вот! – он повернулся к брату спиной. – Горб королю не к лицу. В-третьих, я не хочу править. Поэтому ты и держишь меня возле себя. Я не прав?

– Прав, как всегда! – кивнул Этон. – Но я бы на твоём месте подумал...

4

Ноэль поет. Ее голос, звонкий, сильный, рассыпается серебряными колокольчиками, и эти колокольчики бренькают в моей голове, толкаясь в виски болью. Вот ведь, зараза! Никакого уважения к почтенной старости.

– Угомонись!

Голос стихает, чтобы тут же смениться обиженным:

– Тебе не нравится, как поет Ноэль?

– У меня болит голова.

– А вот не надо было пить столько оука!

Не надо было, конечно, только что теперь? Ноэль сдержала слово. Когда мы долетели до этого заброшенного оазиса посреди степи, она первым делом стряхнула с какого-то дерева с десяток плодов. Плоды походили на кокосы, а само дерево – на пальму, но Ноэль сказала, что это «оук». Она вскрыла плоды кинжалом и слила болтавшуюся внутри молочную жидкость в казан. Выставленный на солнце, сок почти сразу забродил, и к вечеру стал прозрачным. Вкус у него оказался кисловатый, но приятный. Оук щипал язык и шибал в голову. К ночи я впал в нирвану. Кто же знал, что у этой штуки такой откат?

Я охнул и открыл глаза. Блин! На Ноэль было невозможно смотреть. Пока оук бродил, она потребовала заняться ее носом, что я и сделал. Нос покраснел и распух. Это при сращивании переломов опухоль опадает. Организм сам пытается залечить повреждение, и влитый импет только мобилизует этот процесс. Трансформация – дело другое. Тело привыкло к своему органу, а тут его заставляют менять форму и рассосать лишнее. Организм бунтует. Поэтому процесс занимает не один день и протекает бурно. Ноэль, разглядев в озерце свой распухший нос, немедленно замотала лицо. Спрашивается, зачем? Кому на нее смотреть? Здесь нет никого, кроме нас двоих и летающего крокодила.

Повязка и сейчас укрывала лицо Ноэль. А вот другой одежды на ней не наблюдалось. Совсем. И она стояла надо мной, уткнув кулаки в бока, так что я мог беспрепятственно разглядеть все ее прелести. Начиная от стройных ног, треугольного островка лобка, поросшего черным волосом, до тяжелых полушарий груди с дулами-сосками. Они смотрели мне в лицо. Кровь прилила мне в голову – и не только в нее. Капелланов учат смирать плоть. Есть духовные и физические практики. Жизненная необходимость. За священниками на целибате присматривают строго. Попадешься на блуде раз – поедешь на покаяние в монастырь сроком на год. Можешь и на два – это как митрополиту на сердце ляжет. Рецидив влечет извержение из сана. А это жопа. Нет, выпускник академии – человек образованный и может хорошо устроиться. Теоретически. Только государственная служба для расстриг закрыта, а о выборной должности можешь и не мечтать – ни одна партия не возьмет под крыло изгнанного за блуд священника. Учителем не мечтай – кому нужен растлитель учениц? Так что иди в бизнес, если есть к этому способности. А если нет? Значит, дорога в грузчики или санитары – туда всех берут...

Однако сейчас мои духовные и физические практики не работали. Трудно их применить, когда над тобой нависают такие прелести.

– Ты почему голая?

– Одежду постирала, – Ноэль указала на шаровары и рубаху, развешанные на кустах.

– У тебя есть другая.

– Она кожаная. В ней жарко.

Это действительно так. Солнце здесь начинает немилосердно палить чуть ли не с рассветом. Хорошо, что в оазисе есть деревья и маленькое озеро, образованное бьющим из-под песков ключом.

– У вас принято ходить голой перед мужчиной?

– Ты – лекарь! – тоненький пальчик обличающе указал на меня. – А лекарю доверяют больше, чем мужу. К тому же ты старый, – она хихикнула.

Тут боль, собравшись с силами, пошла в атаку. Голову расперло изнутри. Я застонал и на пределе сил послал импет. Мгновение он и боль возились в голове, борясь за первенство, но импет победил. Боль съежилась и отступала. Я блаженно вздохнул и посмотрел на Ноэль. Глаза у нее были большими. Внезапно ренийка взвизгнула и метнулась в кусты. По пути она сдернула с кустов подсыхающую одежду. Я сел. Все ясно: личина слетела. Блин!

– Мэтр, это вы? – среди ветвей показалась замотанная повязкой голова.

– Кто ж еще? – буркнул я.

– Я могу подойти?

– Попробуй!

Она осторожно выбралась из-за кустов. Мокрая одежда, облепив ее тело, делала его невероятно соблазнительным. И почему я влез с замечанием? Лучше б ходила голой. Ноэль приблизилась и замерла.

– Вы какой настоящий, мэтр: старый или как сейчас?

– Как сейчас.

Она заулыбалась, подошла и опустилась на колени. Осторожно протянула руку.

– Можно?

Я кивнул. Робкие пальчики осторожно коснулись моей щеки, затем – лба, потрогали нос и пощекотали бороду.

– Настоящий! – восхищенно сказала Ноэль. – Такой молоденький! Зачем вы притворялись стариком?

– Чтобы завлекать девушек. Они подумают: «Старик! Чего его опасаться?» – а я заманю их в дом и надругаюсь.

Ноэль отдернула пальчики и засмеялась.

– Шутите, мэтр! Для того чтобы заманить девушку, вам не нужно притворяться стариком. Как раз наоборот. Вы такой красивый!

– Скажешь! – хмыкнул я.

– Это правда, мэтр! У вас чудные волосы! – ловкие пальчики пригладили мою растрепавшуюся шевелюру. – Густые, вьющиеся. Голубые глаза, длинные ресницы. Как у женщины! – она хихикнула. – Кожа на лице гладкая, чистая... – голос Ноэль ворковал, пальчики скользили по моим щекам.

– Прекрати! – велел я. – Не то верну нос обратно.

Она отпрянула и надулась.

– Тебе не нравится Ноэль?

В опаловых глазах сквозила обида.

– Нравится! – сказал я. – Ты красивая. Но я, как ты заметила, молод и поэтому испытываю желание. Догадываешься какое?

Она прыснула.

– Вот повалю тебя на песок и лишу девственности.

– Только попробуй! – погрозила пальцем она. – Скажу Нэси, и она откусит тебе голову.

Я вздохнул: эта откусит! Причем с удовольствием. Она на меня с первого дня нехорошо поглядывает.

– Тогда не приставай! – буркнул я. – Не доводи до греха.

– Если хочешь, я могу тебе помочь.

Ноэль опустила взор долу и завозила пальчиком по песку.

– Как?

– Женщина не всегда может доставить удовольствие мужу обычным путем. Бывают дни, когда она течет кровью и становится нечистой. Но если муж очень хочет, она снимает ему напряжение ртом.

Твою мать! Ни фига себе у них девственницы!

– Ты уже делала это?

– Нет. – Палец рисовал в песке странные фигуры. – Но мне рассказывали как. Это, конечно, возможно только между близкими. Но ты ведь мне не чужой, так? Ты кормил меня и дал кров. Исправил нос, видел меня без одежды.

– Сама разделась.

– Не важно! – отмахнулась она. – Главное, что видел. Так что мы теперь не чужие, и я могу тебе предложить. Согласен?

Она метнула на меня взгляд, и тут же вновь опустила взор долу. Мгновение я колебался. Предложение выглядело соблазнительно. Организм вопил: «Чего тут думать! Расстегивай штаны!» Но я велел ему утихомириться. Что-то здесь не так. Этот голос... Так менеджер банка уговаривает клиента взять «быстрый» кредит, чтобы загнать его в кабалу. Местные обычаи я знаю плохо. Вдруг, исполнив желание, окажусь должен, как земля Родине? В смысле пахать на мне и пахать. Внесут в обязательные, а Нэси поставят охранять. Я-то ящерицу убью, но что дальше? До ближайшего селения неделя пути – проверял по спутнику, он как раз пролетал. Безводная степь, отсутствие колодцев. Где-то они, конечно, есть, но вот где? Со спутника их не видно. Карты здешних мест у меня нет. Подозреваю, что и у местных – тоже. Потому и существует в этом мире такая профессия, как проводник. Не зря меня сюда затащили!

– Спасибо, я потерплю.

Я откинул одеяло, стащил штаны и в одних трусах нырнул в озеро. Холодная вода обожгла тело. К полудню озерцо прогреется, но сейчас – в самый раз. Вынырнув, я радостно заорал, и вновь скрылся под водой. Наплескавшись, выбрался на берег. Боль ушла, а вместе с ней – и желание. Зато вернулись бодрость и сила.

Ноэль на берегу не было, и я, отжав трусы, выполнил стандартный комплекс утренней зарядки. После чего умылся, оделся и отправился искать спутницу. Она обнаружилась в глубине рощицы. Сидела у костерка, над которым, подвешенный на треноге, исходил паром казан. Ноздри пощекотал запах вареного мяса. Желудок голодно забурчал.

– Что на завтрак?

– Нэси поймала тунгу, – ответила Ноэль. – Я взяла заднюю лопатку. Она вкуснее.

Она не обернулась ко мне. Спина демонстрировала обиду – горькую и незамутненную. Плохо. Нам тут еще несколько дней кантоваться, и провести их в ссоре... Я сел рядом и взял ее ладошку в свою.

– Мне нужно тебе что-то сказать, Ноэль.

Она повернулась. Опаловые глаза блеснули.

– В моей стране я служил в храме. Вера запрещает нам быть с женщинами.

– Правда? – поразила она.

Я сделал честные глаза. Вру, конечно, но не совсем. Да, был, запрещали, но это в прошлом. Сейчас я никто и звать меня никак, зато все можно. Даже врать.

– Бедный! – она шмыгнула носом и погладила меня по щеке. – Как вы терпите?

– С трудом! – честно признался я.

– Вам и жену брать нельзя?

От неожиданности я замаялся и опоздал с ответом.

– Жену можно! – довольно заключила Ноэль. – Это правильно. А то от женщин требуют, чтобы хранили девственность, а вот мужчинам блудить разрешается. Несправедливо!

– Да! – подлизался я. Запах варева щекотал ноздри. Лопатка тунги стояла, чтоб прогнуться.

– Проголодался? – догадалась Ноэль.

– Очень! – признался я.

– Сейчас накормлю!

Я сходил к стоянке, принес посуду и столовые приборы. Ноэль подцепила кинжалом мясо в казане и вывалила его на блюдо. Затем, придерживая вилок, ловко срезала его с костей. Я зачерпнул кружкой бульон и, дуя на горячую жидкость, стал пить, закусывая сухарем. В моем НЗ чего только нет – запасливый я. Армейская привычка.

– Можно мне? – попросила Ноэль.

Я зачерпнул в казане второй кружкой и протянул ей сухарь. Некоторое время мы молча ели.

– Не слишком вкусно! – заключила Ноэль, покончив с сухарем. – Но сытно.

– После оука – самое то! – возразил я.

Она прыснула и занялась мясом. Я присоединился. Однако горячий бульон сбил аппетит, поэтому отвалился я скоро. Да и Ноэль.

– Много мяса осталось, – вздохнула она. – К полудню испортится. Здесь нет ледника.

Я взял консервационный пакет и вытряхнул из него сухари. На солнце не пропадут. Затем побросал в пакет мясо. Набралось много – тунга попалась не маленькая. Это степная газель, если кто не знает.

– Положу в воду ключа, – сказал я, сжимая пальцами пластиковую защелку. – Там холодно, не испортится. Вода внутрь не попадет.

– Магия! – кивнула Ноэль.

Разубеждать ее я не стал. Иначе придется объяснять, как делают пакеты. Оно нам нужно?

– Долго нам быть здесь? – спросил я.

– Пока не увижу свой нос, – Ноэль указала на повязку. – Не хочу появляться дома раньше.

Значит, дней пять.

– А вы, мэтр? Куда направитесь?

Я пожал плечами. Ремс захватили шиды, возвращаться некуда. Идти в Мерсию? Опасно. Слай уже наверняка доложил. Лекарь улетел с ренийкой, перед этим жег шидов... Вполне возможно, что нас ищут. Контрразведка в любом мире одинакова. Поймают, отведут в подвал, вздернут на дыбу... Отвечай, чей шпион! Чем занимался в Ремсе? И скалечат и отправят на эшафот. Боже, как жаль дома! Только-только закончил оборудование...

– Летите со мной, мэтр!

Я глянул на ренийку. Это она с чего?

– Далеко?

– День пути, – затараторила она. – Я живу в Муге.

Вот оно что! Насколько помню, Муг – крошечное княжество на границе Рении и Мерсии. Формально независимое, но на деле – под протекторатом Мерсии. В последней войне воевало на стороне последней. Ну как воевало? Закрыло границы и объявило о своем участии в военных действиях. Думаю, Рения этого даже не заметила. Раз Муг под Мерсией, меня найдут. Не сразу: пока пронюхают, пришлют людей... Время есть. Неплохое предложение.

– Я подумаю.

– Моя семья будет вам рада, мэтр!

Конечно! Лекарь здесь в дефиците. Перед тем, как осесть в Ремсе, я побывал в Блантоне – столице королевства. Посидел в харчевнях, послушал людей. Ветхий старик не вызывает подозрения. В Блантоне заправляла Корпорация – структура, построенная как Гильдия Средневековья. Чужих лекарей она гнала. Оно и понятно. Из них-то лекарь, как из дерьма пуля, а чужак лишит заработка. К счастью, в отдаленные города местные маги не забредали. Поэтому я выбрал Ремс. И принес же черт шидов...

Я взял пакет и отправился к озеру. Там поместил мясо в ключ, затем оттащил коврик из пенки в тень оука. Завалившись, развернул трубочку читалки. Мягкий пластик затвердел и принял форму книги. Я пробежался пальцами по сенсорам. Экран показал список разделов. Чего бы почитать? Желательно легкого, чтобы не нагружать мозг. Я ткнул пальцем наугад.

Краем глаза я видел Ноэль. Она мыла посуду. Закончив, глянула в мою сторону, но не подошла. Правильно. Лекарь смотрит в магический предмет, ему не нужно мешать. Не то разозлится и превратит дерзкую в тунгу. Или дигу...

Книга не шла. Автор, вернее авторша, описывала магическую академию, в которой студенты учились метать молнии и огненные шары. В книге маги вызывали бури и обрушивали на берег цунами. Волшебники, ёпть!

Я отложил читалку и посмотрел вверх. Мясистые листья оука заслоняли небо, отбрасывая густую тень. Лежать под деревом было хорошо. Мысли текли размеренно и лениво. Кто, интересно, родители у Ноэль? Девочка не из бедных. Шелковые одежды, золото в кошельке, ручная дига... С другой стороны – охотно готовит и моет посуду. Странное сочетание. Я не заметил, как задремал.

* * *

Родоначалником семейного бизнеса стал мой прадед. После вуза он работал на станции «Скорой помощи». Ездил на вызовы, возил больных в клинику – обычное дело для молодого врача. Осенью случился гололед, «Скорая» не знала роздыха. Прадед вправлял вывихи,

фиксировал сломанные конечности и вез больших в клинику. Вечером его вызвали.

– Чему вас учили?! – буркнул заведующий отделением, бросая на стол снимки. – Кого ты привез? Смотри! Всего лишь ушибы. Всех отпустили по домам. В следующий раз с синяками привезешь?

Прадед внимательно пересмотрел снимки: заведующий был прав. В то же время прадед не сомневался: переломы были. Уж больно классическими выглядели симптомы. Однако спорить не стал. Не с руки.

– Учту! – сказал виновато.

– Иди! – махнул рукой заведующий.

Дома молодой врач стал вспоминать. Он все делал правильно. Но при фиксации перелома из его рук истекало тепло. Ощущение было странным: будто он что-то отдавал. Руки после этого мерзли. Человек пытливый, прадед решил проверить. Это было нетрудно: больных хватало. Скоро врач убедился: работает! Переломы срастались, раны затягивались, более того, исчезали шрамы. Последнее навело прадеда на мысль. Самыми успешными врачами в мире всегда были пластические хирурги. Только как им стать? Кому нужен врач из провинции? Без опыта, знаний, наработанной практики?

Практика нашлась. В районе, где жил прадед, хватало личностей, согласных на эксперимент. Они привыкли целовать лицом асфальт, а тут посидеть у врача... Да, лишь бы наливали! Ставь литр – и хоть режь! Прадед чинил сломанные носы, убирал с лиц «асфальтную болезнь», с тел – татуировки и шрамы. Процедуры снимал на видео. Накопив материал, он перенес его на диски и разослал в ведущие клиники Германии, сопроводив это подробным резюме и копиями документов, переведенных на немецкий. Адреса клиник он нашел в Интернете. Почему он выбрал Германию? Платят больше, и процент некрасивых женщин выше. А еще у них есть деньги. Прадед был прагматиком.

Ответили ему не сразу. Видно, опыты на алкоголиках вызвали у немцев сомнения. Но в одной клинике заинтересовались. Прадеду предложили приехать (за свой счет, конечно) и показать умение. Молодой врач наскреб денег (часть пришлось одолжить) и полетел в Кельн. В клинике у него проверили документы и отвели к пациенту. Увидев его, прадед вздрогнул. Лицо и руки больного покрывали рубцы от ожогов. Каким-то чудом у больного уцелели глаза, но не было ни бровей, ни ресниц, ни носа. Вместо рта – щель. Дальнейший осмотр выявил глубокое повреждение мышц и связок. После осмотра прадеда отвели к директору.

– Что скажете, герр Худяков? – спросил немец. – Вы сможете помочь этому человеку?

– У вас есть его прежние фотографии? – спросил отец. – Еще лучше – видео...

Видео нашлось. Лечение прадед начал с рук. Прежде ему не приходилось сталкиваться с ожогами, поэтому действовал он осторожно. Через неделю кисти пожарного покрыла розовая, здоровая кожица, и, самое главное, они обрели подвижность.

– Гут! – сказал наблюдавший за лечением немец. – Теперь лицо.

– Понадобится дней десять, – сказал прадед. – А у меня виза кончается.

– Это не ваша забота, – отмахнулся немец. – Дайте ваши документы!

С лицом прадед возился долго. Не все удалось. Больной свободно говорил, ел, открывал и закрывал глаза, но лицо выглядело малоподвижным. Зато оно было прежним.

– Экселент! – сказал директор клиники. – Мы на такое не рассчитывали. Планировали пересадить больному лицо целиком, но вы понимаете, что это за операция. Честно скажу, мы не рассчитывали, что вы справитесь. Это был призрачный шанс, но мы решили его использовать. Мне нравится ваша работа, герр Худяков! Я беру вас в штат.

Прадед съездил на родину, уволился, собрал вещи и перебрался в Кельн. В клинике его ценили. Врач, меняющий внешность без скальпеля, приносил доход. Неудивительно. Пластика – это хирургия. Даже подтяжка кожи требует общей анестезии. Послеоперационный отек лица длится до 20 дней, остаются шрамы, которые нужно прятать под волосами, но, главное, спустя 7–10 лет пластику необходимо повторять. Вновь скальпель, боль, синяки на лице... У прадеда было иначе. Лицо отекало, но ненадолго, и быстро приходило в норму. И никаких шрамов! А ожирение? Организм пациенток сам рассасывал накопленные запасы, при этом кожа не обвисала, а, трансформируясь следом, оставалась упругой.

К Куглеру встала очередь. Прадед сменил фамилию. Ничего личного – только бизнес. Лучшие в смысле денег пациенты ехали в Кельн с Востока, то есть из бывшего СССР. Но они требовали, чтобы лечил немец. В России имелись клиники, где оперировали не хуже, нередко – лучше, однако российские богачи не признавали своих врачей. Зачем, спрашивается, напрягать людей? Хотят немца – будет немец. Прадед женился и развелся. Это был брак по расчету, причем с обеих сторон. Прадед получил фамилию, немка – внешность. Пластика стоила дорого, немке обошлась бесплатно. Она была в восторге. Вслед за фамилией прадед сменил и гражданство.

Программа-минимум была выполнена. Программа-максимум предполагала создание собственной клиники. С этим не получалось. Методику Куглера признали эффективной и... уникальной. Никто не мог подобное повторить. А какой может быть клиника, если врач в ней один? Прадед искал последователей. На объявление в Интернете откликнулись тысячи шарлатанов. Они заявляли, что лечат рак, меняют карму и снимают венец безбрачия. Прадед плюнул и объявление убрал. С горя хотел запить, но вовремя спохватился. Врачей-пьяниц в Германии не терпели. В этот момент он и получил письмо. Писала учительница немецкого языка из белорусского Кобрина. Она сообщила, что живет вдвоем с дочерью. Ее Юля лечит животных наложением рук. Может ли герр Куглер дать совет: куда дочери поступать? Через год Юля заканчивает школу. Прадед понял невысказанную в письме просьбу. Подумав, он набрал номер – в письме его указали.

– Алло! – ответили в наушнике.

– Здравствуйте! – сказал прадед. – Людмила?

– Да! – сказали в трубке.

– Это Куглер. Я получил ваше письмо.

– Вы говорите по-русски? – удивилась собеседница.

– Я и есть русский, – сообщил прадед. – А фамилия... это так. Могу я поговорить с Юлей?

– Конечно! – сказали в трубке и позвали: – Доча!..

Примерно минуту в наушнике было тихо. Видимо, дочь инструктировали. Затем в трубке раздался голос:

– Слушаю!

– Здравствуй, Юля! – сказал прадед. – Думаю, мама сказала, кто я. У меня вопрос. Что ты чувствуешь, когда лечишь?

– Импет, – сказала девочка.

– Что? – удивился прадед.

– Это по-белорусски, – разъяснила Юля. – Означает напор, порыв. Из рук будто истекает тепло, и они становятся холодными.

– А животные? – спросил прадед.

– Выздоровливают! – похвасталась Юля. – Недавно у Маши попугайчик ножку сломал. Так я ее пальцами подержала, и через минуту он прыгал. Правда, на ножку старался не наступать, – призналась девушка. – Только на второй день побежал.

– Молодец! – сказал прадед. – Дай телефон маме...

Через год Юля с матерью перебрались в Кельн. Жить стали у Куглера. С легализацией помогла клиника – Куглер объяснил директору, зачем ему эта девушка. Юля поступила в университет, Людмила устроилась в клинику переводчицей. Немецкий врач должен общаться с пациентами по-немецки, даже – с русскими. С последними – особенно. Куглер говорил, Людмила переводила. Самым трудным для нее в первое время было не ржать. В свободное от работы время прадед возился с Юлией. Водил ее в клинику, обучал методике и не заметил, как их отношения перешли в иной план. Юля стала краснеть, когда он брал ее за руку, и смотрела так, что прадед терялся.

Подумав, он сказал об этом Людмиле.

– А чего ты ждал? – спросила она. С прадедом они были на «ты». – Красивый, богатый мужчина – мечта любой девушки.

– Я старше ее! – сказал прадед. – Намного.

– Подумаешь! – хмыкнула Людмила. – Всего-то пятнадцать лет. Она тебе нравится?

– Да! – сказал прадед.

– Тогда женись! – предложила Людмила. – Не прогадаешь. Насмотрелась я на ваших немков. Мало того, что страшные, так еще с тараканами в голове, – Людмила скривилась. – Юлю я правильно воспитывала. Ты добрый и порядочный человек, поэтому сделаешь ее счастливой.

Прадед последовал совету. Теща оказалась права – жена из Юли вышла отменная. Как и врач. Университет Юлия окончила, прервав обучение только на год – в связи с родами. Когда мать с первенцем привезли в дом, прадед решил искупать младенца. Тот ухватил его за палец, и молодой отец ощутил толчок импета. На Куглера снизошло озарение. Зачем искать одаренных, если можешь производить их сам? Задумано – сделано. Роды отвлекали жену от работы, но прадед не отступал. Он работал на будущее, и не прогадал. Все пятеро детей унаследовали одаренность отца с матерью. Когда они выросли, прадед открыл клинику. Пусть с опозданием, но мечта сбылась.

Живя в России, прадед не отличался религиозностью – врачам это несвойственно. В Германии стал задумываться. Например, откуда у него и его детей такой дар? Ответ он нашел. Это имело последствия. Попечительством Куглеров в Кельне расцвел православный храм, ранее влачивший жалкое существование. Веру, в отличие от фамилии и гражданства, прадед менять не стал. Это было личным. По воскресеньям Куглеры шли в церковь, маленьких детей несли на руках. Те росли религиозными, и, повзрослев, сами приобщали детей к вере. Стоит ли удивляться, что один из потомков Куглера возжелал стать священником?

Офицер в форме капитана военно-космических войск США шагнул через порог просторного кабинета и приложил ладонь к виску.

– Господин генерал!

– Проходи, Майк! – сказал хозяин кабинета. – Присаживайся!

Капитан последовал приглашению и устроился в кресле напротив генерала, положив на колени папку, которую принес с собой. Пару мгновений мужчины смотрели друг на друга. Оба они были подтянутые, худощавые, с суровыми лицами, отмеченными морщинами. Только у генерала морщин было больше, да «ежик» на голове побелел от прожитых лет.

– Есть новости по проекту «Беглец», – доложил капитан.

– Вы все еще занимаетесь этим делом? – удивился генерал.

– Это наш долг, сэр! – ответил капитан.

– Спасибо! – кивнул генерал. – Нашли?

– Самого беглеца пока нет. Но планету, где он скрывается, с большой долей вероятности.

Прогноз ошибки не более двух процентов, сэр.

– Что это за планета? – спросил генерал.

– Зоэ. Девятнадцатая галактика в списке обитаемых. Два прыжка от последней станции международного патруля.

– Далеко забрался! – сказал генерал. – Что представляет собой Зоэ?

– Обитаемая планета с кислородной атмосферой. Чуть меньше Земли. Сутки короче, климат мягче. Пять материков, тысячи островов. Население редкое, сконцентрировано преимущественно на самом большом материке, помеченном в справочнике литерой «В». Названия им пока не успели дать. Население – человеческая раса, практически идентичная земной. Подробные исследования не проводились. Уровень цивилизации соответствует земному Средневековью.

– Почему исследования не проводились? – спросил генерал.

– Неинтересная планета, – пояснил Майк. – Для эксплуатации не годится. Лететь далеко, возить дорого. К тому же ООН запретила колонизацию планет с цивилизацией. Первая экспедиция выбросила зонды-роботы, которые взяли образцы почвы, воды, атмосферы, животного и растительного миров, после чего доставили все это на Землю. Сейчас яйцеголовые со всем этим разбираются. Работы у них на несколько лет. На орбите Зоэ оставлен спутник, который шлет информацию в режиме реального времени.

– Он и дал наводку?

– Именно так, сэр! С началом операции мы подключились ко всем спутникам обитаемых планет, которые передавали информацию на Землю. Честно скажу: на Зоэ не рассчитывали. Всего один сателлит...

– Что он зафиксировал? – спросил генерал.

– Разрывы плазменных гранат.

– Вы точно классифицировали? – засомневался генерал.

– Спектральный анализ, вероятность ошибки десятая доля процента.

– Значит, не природное явление?

– Исключено, сэр! Выброс плазмы внутри городских стен... Взгляните сами!

Капитан достал из папки и протянул генералу лист бумаги. Тот одобрительно хмыкнул. Майк знал дело. Файл можно перехватить, а вот бумагу... Сначала нужно узнать, у кого она.

Некоторое время генерал рассматривал фотографию. Заинтересовавшись, достал из ящика стола лупу. Все это время капитан терпеливо ждал.

– Что это за тень? – спросил генерал, отложив лупу.

– Летающий ящер. Аборигены приручили их и используют для передвижения. Думаю,

что в военных целях.

– Значит, фигурки на его спине...

– Люди, сэр! И одна из них – наш объект.

– Воюет, значит, – сморщился генерал. – Интересно зачем? В его интересах сидеть тихо.

– Характер! – сказал Майк. – Вы же помните...

Он осекся.

– Помню! – сказал генерал. – Не забыл. Что посоветуете, Майк?

– Отправить на Зоэ группу. Объект захватить или уничтожить.

– Первое нерационально! – покачал головой генерал. – Русские добились исключения

Головатого из списка разыскиваемых. По их версии – это была самооборона, и международный суд с этим согласился, – генерал сморщился. – Впрочем, что я рассказываю вам об этом, Майк! Сами знаете. Нет смысла доставлять объект на базу.

Капитан кивнул.

– Целью отправки группы может быть задача два. Но официально поставить ее я не могу. Это вызовет международный скандал.

– Понимаю, сэр! – кивнул капитан. – Но это может быть частная инициатива группы лиц. Люди возьмут отпуск...

– А они захотят?

– Сэр! – капитан вскочил. – Рота «Чарли» вся как один... Парни чуть не передрались за право участвовать в операции. Это честь для нас!

– Сядьте, Майк! – велел генерал. – Не надо обижаться. Я знаю о традициях дивизии, сам их поддерживал и развивал. Однако с юридической точки зрения – это преступление. Не хочу подставлять парней. Это мое горе.

– Нет, сэр! – возразил капитан. – Наше общее. Мы любили Джека. К тому же он погиб не один. Все должны знать: десант трогать нельзя! Кому бы то ни было!

– Хорошо, Майк! – сказал генерал. – Я понял: операция готова?

– Да, сэр! Отправятся четверо. Парни тянули жребий. Для соблюдения секретности выйдут с очередным конвоем. После прохождения станции крейсер выбросит малый бот. Парни покружатся на орбите, определяют место нахождения объекта и десантируются на поверхность. Постараются застать его врасплох. Если не получится, справятся все равно. Они профессионалы.

– Скрытность обеспечите? Сами понимаете. Если узнают...

– Вероятность провала не более процента. Напомню: спутник на орбите один, – капитан усмехнулся. – К тому же мы перехватываем его сигнал. Понадобится – подчистим. Вот этой фотографии, – Майк указал на лист на столе, – у яйцеголовых нет и не было никогда. Ее не существует.

– Действуйте! – сказал генерал.

Капитан встал и пошел к двери.

– Майк! – окликнул генерал.

Капитан встал и обернулся.

– Передай парням... Я этого не забуду. Они всегда смогут на меня рассчитывать. Ты – тоже.

Капитан кивнул и вышел. Генерал взял со стола распечатку и сунул в шредер. В щели пыхнуло, и лист превратился в пепел. Генерал сел и нажал кнопку. Некоторое время он смотрел на фото, проецируемое голопроектором над столешницей. Молодой офицер в форме

первого лейтенанта военно-космических войск, улыбаясь, смотрел на генерала.

– Вот так, Джек! – сказал генерал. – Теперь скоро...

* * *

Воин вошел в комнату и растянулся на животе.

– Приветствую тебя, длань Хамму! Да продлятся твои дни вечно!

– Встань! – сморщился Шид. – Сколько раз говорил: не нужно это! Мы все братья – от малого до великого. И я лишь первый среди равных.

– Нет, Великий! – возразил воин, однако с пола встал. – Никому, кроме тебя, не довелось лицезреть Хамму и внимать ему. Ты избран богом и отмечен им!

Шид снова поморщился, но на этот раз делано.

– Подойди, Дрох!

Воин приблизился.

– Какие новости?

– К нам добрались войска, посланные на захват Ремса. Ты знаешь, что это не удалось. Мои люди опросили всех. Воины испуганы и подавлены. Говорят, что причиной неудачи стал маг, живший в Ремсе. Он испепелил наших братьев сначала у стен, а затем – внутри города. Погибли вожди, в том числе и твоя правая рука Грон.

Шид сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

– Как это произошло?

– Вначале все шло как задумали, Великий! Войско вышло к Ремсу и начало осаду. Машины, что построили нам в Мерсии, стали бросать бочки с зельем. Его было много, а машинами управляли люди, присланные союзниками. Грон надеялся уже к вечеру быть в Ремсе. И тут на башне появился маг.

– Братья знали о нем?

– Нет, Великий! Это стало известно позже.

– Что сделал маг?

– Направил посох в сторону бочек, сложенных у машин. Огненное зелье вспыхнуло. Взрывы уничтожили машины, убили многих братьев. Еще большее число покалечили.

– И что Грон?

– Он решил взять город ночью. Через подземный ход, о котором мы знали, он послал лазутчика к правителю города Крату. Потребовал объяснить, что происходит, почему войско получило отпор? Правитель поведал, что в городе есть маг.

– Почему шелудивый пес не сообщил этого ранее?

– Уверял, что не знал сам. В гарнизоне был лекарь, но то, что он еще маг, никто не знал. Грон велел Крату напасть на охранявших ворота королевских солдат и впустить братьев в город. Ранее городская стража должна была ударить в решающий миг. У Крата получилось, братья вошли в город. Но сотник Слай сумел удержать центр города. Он стал выводить жителей. Мы не препятствовали ему – ночью воевать плохо. Все равно их бы догнали.

– Почему не убили мага?

– Грон послал для этого братьев. Крат рассказал, где маг живет. Грон обещал за его голову тысячу золотых. Лазутчики пробрались к нужному дому и уже собрались напасть, как тут появился сотник с воинами. Он зашел в дом и скоро вышел, оставив часового. С ним

братья справились бы, но на улице были и другие воины. Они выводили жителей. Братья ждали момента. Но тут распахнулись ворота дома, и на улицу вышла дига. Следом явились женщина с магом. Он был странно одет. Жилет с карманами, кожаные футляры на поясе и бедре, шлем с забралом. Маг с женщиной взобрались на спину дига и улетели. Братья не могли их остановить.

– Как погибли вожди?

– Грон собрал их на площади у ворот, к ним присоединился Крат. Они решали, как лучше действовать утром, как с неба упали камни...

– Что?!

– Несколько братьев на стенах видели это. Камни упали на площадь, и там все вспыхнуло. Огонь был столь ярким, что многие ослепли. Когда зрение вернулось, тех, кто стоял на площади, уже не было. Они сгорели, превратившись в пепел.

– Уверен?

– Братья утверждают так. Только... – Дрох смутился.

– Что?

– Братья очень испугались, поэтому рассказы их путаные. Одни утверждают, что камней было два, другие – что один. Одни говорят, что камни упали с неба, другие – что их сбросили с диги.

– Они ее видели?

– После того, как вспыхнуло.

– Откуда дига в Ремсе? В Мерсии их нет.

– Не знаю, Великий!

Шид помолчал, пристально разглядывая Дроха. Тот съежился.

– Слай с воинами ушли?

– Да, Великий!

– Почему же мы оставили Ремс?

– Братья растерялись, Великий! Некому было удержать. Ведь Грон с вождями сгорели.

– Скажи проще: они испугались! – скривился Шид. – Бежали.

– Ты проницателен, длань Хамму! – склонился Дрох. – Они боялись сгореть, как Грон.

– Трусы! – выплюнул Шид. – Они разве не знали, что павшего за Хамму ждет Эрий? Что там реки текут вином, на деревьях растут сладости, и юные прелестницы будут ласкать героев дни и ночи? Или я не говорил им этого? Ответь!

– Пощади, Великий! – Дрох плюхнулся на живот.

Шид пнул его в бок и плюнул на спину. Дрох не пошевелился.

– Встань! – велел Шид.

Воин подчинился. В его побелевших глазах был стыл страх.

– Что станешь делать?

– Велю казнить каждого пятого! Нет, каждого третьего! Они умрут в мучениях и не попадут в Эрий.

– Какой в этом прок? Если б мы взяли Ремс, дорога на Блантон была бы открыта. Там открыли бы ворота, и Мерсия стала нашей. И что теперь? Начинать сначала?

Дрох не ответил. Шид посмотрел на него и вздохнул.

– Сделаешь так! Казнишь самых трусливых. Пусть все видят: нельзя бояться в бою! Лучше погибнуть и попасть в Эрий, чем сдохнуть в мучениях и последовать в Пустоту. Из остальных отберешь самых смелых. Снаряди их и отправь на поиски мага. Его нужно убить!

Непрерывно!

– Это будет непросто! – осмелился Дрох. – Если маг сжег войско...

– Значит, нужно застать его врасплох! – сказал Шид. – Действовать тайно. Подобраться и... – пророк задумался. – У нас осталось огненное зелье?

– Да, Великий! – подтвердил Дрох. – Немного.

– Много и не нужно, – сказал Шид. – Пусть каждый из братьев сделает себе сумку, куда насыплет порошка. Можно добавить камней. Я слышал, что в Мерсии испытывали оружие, куда сыпали зелье, а сверху – камни. Те летели вперед, поражая врага. Пусть каждый из братьев станет таким оружием. Найдя мага, он подойдет к нему и подожжет порошок. Камни убьют мага, прежде чем тот опомнится. Брат, совершивший это, попадет в Эрий.

– Ты бесконечно мудр, длань Хамму! – воскликнул Дрох.

– Иди! – махнул рукой Шид. – Чтоб завтра братья отправились в путь. Через одну луну я жду добрых вестей. В противном случае в Пустоту уйдешь ты.

* * *

– Как тебе вино? – спросил Гилл.

– Слишком пряное, – сказал Дун и поставил кубок на стол. – Зачем столько трав?

– Они маскируют вкус яда, – сказал Гилл. – Вот ты выпил и не заметил.

Дун уставился на главу Корпорации. Тот усмехнулся и выставил на столешницу пузырек темного стекла.

– Наш семейный рецепт. Через несколько часов закружится голова, ослабнут члены, и ты мирно отойдешь в Пустоту.

– Будь ты проклят!

Дун вскочил и побежал к двери.

– Ты собираешься умереть дома? – крикнул ему вслед Гилл. – В кругу безутешных родственников?

Дун замер и обернулся. Мгновение он ненавидяще смотрел на Гилла. В его взгляде читались страх, гнев и надежда.

– Сядь! – жестко сказал Гилл и указал на стул.

Дун поколебался, но подчинился.

– Противоядие есть только у меня, – сказал Гилл. – Я же сказал, что это семейный рецепт. Впрочем, ты маг и можешь попробовать излечиться самостоятельно.

Он усмехнулся.

– Зачем? – с тоской в голосе спросил Дун.

– Чтобы ты осознал. Представь человека, который живет в радости и довольстве. У него все есть: дом, женщины, слуги, сундуки с золотом. Он вкусно поел, – Гилл указал на пустые тарелки на столе, – выпил вина, и тут ему говорят, что его отравили, и он умрет. Хочешь не хочешь, а проникнешься.

– Я и без того слушал тебя, как отца! – воскликнул Дун.

– Не подлец я яду, ты забыл бы разговор за дверью, – хмыкнул Гилл. – Слишком сытно живешь в последнее время, Дун. Поверил, что ты великий маг. Даже смерть жены тебя не образумила. А тут пять капель... – глава Корпорации ткнул пальцем в пузырек. – Это прочищает мозги.

– Что случилось? – спросил Дун. Он уже справился с чувствами и теперь смотрел на главу собранно и настороженно.

– Корпорацию могут распустить.

– Как? – изумился Дун. – Это невозможно!

– А умереть от руки человека, которому доверяешь, возможно?

Дун опустил взор.

– У меня есть надежный человек во дворце, – сказал Гилл. – Он подслушал разговор короля с шутом. Тот называл нас шарлатанами и уговаривал короля разогнать Корпорацию.

– Проклятый горбун! – сжал кулаки Дун. – Да заберет его Пустота!

– Боюсь, что это будет не скоро, – усмехнулся Гилл. – Горбун умен. Он не пользуется услугами магов, поэтому проживет долго.

– Мэтр! – воскликнул Дун.

– Молчи! – велел собеседник. – Мы сами дали в руки шуту обвинения в свой адрес. Сколько раз говорил, что не следует печь лекарей, как хлеба в печи, тем более из бездарностей! Но меня не слушали. Вам хотелось пристроить родственников. И особо старался ты! (Дун вжал голову в плечи.) Если маг берет деньги за лечение, а больной умер, какое может быть к нему уважение? Люди думают, что мы шарлатаны. Мне доносят, что в Блантоне оживилась торговля травами. К знахаркам идут толпами. Добро бы чернь, у нее все равно нет денег, но мои люди видели купцов и благородных. Золото, к которому вы привыкли, плывет мимо. Или ты этого не заметил?

Дун промолчал.

– Это полбеды: знахари нам не соперники. Больные их мрут, как и наши. Когда у людей нет выбора, они примут и шарлатана – лишь бы одарил надеждой. Но дело гораздо серьезнее: в Мерсии объявился великий маг. Пришлый.

– Где?

– В Ремсе. Одним из тех городков, куда твоих родственников не загнать палкой. Там бедный люд и мало золота. А вот пришлый не побрезговал.

– Он действительно великий? – не поверил Дун.

– Разом вылечил двадцать солдат. Ничего серьезного: переломы, пробитые головы, вывихи. Но все ушли от него на своих ногах.

– Ложь! – возмутился Дун. – Такого не может быть!

– Увы! – вздохнул Гилл. – Мой человек проверил. Люди из Ремса это подтверждают. Более скажу. У дочери тамошнего трактирщика была сухая рука. Вылечить это невозможно, даже я бы не справился. Гро, так зовут этого мага, смог.

Дун покачал головой.

– Это не все, – продолжил Гилл. – Как ты знаешь, наверное, Ремс пытались взять шиды. Гро разогнал их, бросив с башни огонь. Многие сторели.

– Невероятно!

Дун вскочил.

– Сядь! – приказал Гилл.

– Ты сам говорил, – сказал Дун, подчинившись, – что мертвое не подвластно магии. Как человек может бросать огонь?

– У Гро получилось, – вздохнул Гилл. – Выходит, я ошибался. Нам это может стоить дорого. Король хочет поставить Гро во главе Корпорации. Дать ему право пересмотреть наши патенты.

Дун подавил готовый вырваться крик.

– Теперь понимаешь, чем это грозит?

– Что делать, учитель?

– Вопрос правильный, – усмехнулся Гилл. – Вижу, что проникся. К счастью, у нас есть время. Этот Гро сбежал, и его ищут. Нужно, чтобы первыми нашли его мы.

Он толкнул пузырек с ядом к руке собеседника.

– Пять капель на фляжку с вином. Вино подберешь сам. Поговори с каждым из своих родственников, с глазу на глаз. Свидетелей быть не должно. Не хочу, чтоб моя голова появилась на колу. Втолкуй им, что потеряют, если не справятся. Если не Гро, то я лишу их патентов. Разошли их по городам, пусть ищут пришлого.

– Как он выглядит?

– Не знаю. В Ремсе он был стариком, но шут сказал, что это личина. Гро может выглядеть как угодно. Но он – камень, брошенный в пруд, отчего по воде идут круги. Рано или поздно даст о себе знать. И тогда твой человек войдет к нему в доверие и угостит вином.

– Гро может потребовать, чтобы и тот пил.

– Разумеется!

Гилл поставил на стол второй пузырек. Этот был из светлого стекла.

– Противоядие, не перепутай! Десять капель на фляжку.

Дун схватил пузырек, накапал из него в кубок, добавил вина и залпом выпил. После чего выдохнул с облегчением.

– Будет легкая слабость и пронесет разок, – сказал Гилл. – От противоядия всегда так.

– А ты? – Дун протянул пузырек. – Мы пили из одного кувшина.

– Там не было яда, – усмехнулся Гилл. – Я не настолько глуп, чтобы подвергать себя опасности.

Дун засопел и сжал в кулаках пузырьки.

– Зато ты знаешь, что делать, – сказал Гилл. – Поторопись. Нужно успеть.

С высоты птичьего полета Муг походил на иллюстрацию к сказке. Вдоль берегов овальной бухты теснились дома, крытые черепицей, петляли улочки, а на вершине ближнего холма возвышался замок. Его башни и стены, сложенные из белого камня, сияли в лучах желтой звезды, именуемой здесь Амгор, словно сахарный пряник. Небо отражалось в водах залива, крася их в густой синий цвет, и лучи звезды, преломляясь в них, создавали сияющую дымку, наброшенную на море, как воздушное покрывало. Сквозь нее виднелись причалы и стоящие у них корабли с убранными парусами. В отдалении за холмом зеленели возделанные поля и курчавилась роща. Ноэль, будто почувствовав мой восторг, описала над городом круг, давая возможность все рассмотреть. Затем Нэси взмахнула крыльями и направилась к замку.

В оазисе у меня было достаточно времени, чтобы расспросить Ноэль. С ее слов Муг основали пираты. Удобная бухта, расположенная на стыке двух королевств, делали ее отличной базой. Здесь награбленное непосильным трудом перегружалось в повозки и уходило на рынки. Причем товары с ренийских судов шли в Мерсию, и наоборот. Так продолжалось довольно долго, пока королям это не надоело. Они сговорились и снарядили карательную экспедицию. Порт взяли приступом с моря, замок – с суши. Пиратов, кого не

убили, захватили и продали в рабы. А вот по поводу того, как быть дальше, возник спор. Присоединить Муг к своей территории хотели оба королевства. Споры шли долго. В итоге появилось княжество, формально независимое ни от кого. Его главой стал мерсиец, женатый на ренийке – чтоб никому не обидно. Из обмолвок Ноэль, однако, следовало, что король Мерсии коллегу надул. Благородная ренийка, ставшая женой князя-мерсийца, несколько лет жила в Блантоне и была близка к королю. Насколько, Ноэль не уточнила, но я понял, что весьма. В результате Муг стал мерсийским протекторатом, что обидело короля Рении. Между монархами произошла размолвка. Они стали копить обиды, что и привело к войне. Та длилась два года и закончилась ничьей, хотя оба монарха считали, что победили они. На судьбе Муга война не отразилась – статус он сохранил.

Дига снизилась, и я понял, что первое впечатление о Муге было обманчивым. Немало домов в городе выглядели ветхими. Прохудившиеся крыши, обшарпанные стены, провалы окон... Да и сам замок вблизи перестал казаться нарядным. Стали видны обвалившиеся кое-где зубцы стен, выкрошившаяся кладка, выбоины от ударов снарядов. По всей видимости, со времени осады замок не ремонтировали.

Внезапно Ноэль выругалась и указала рукой вниз. Я присмотрелся. Под стенами замка стояло войско. Белые шатры вождей, палатки простых воинов, повозки, люди... Сверкало железо, кверху тянулись дымки костров. Осада. Везет мне на такие дела! Ну и что теперь? Бэк ин оазис?

Я ожидал, что Ноэль развернет дигу, но она направила ее прямо к замку. Мы перемахнули через стену и, сопровождаемые взорами задранных головы воинов, шлепнулись на площадь у донжона, распугав гулявших здесь курей. Или сорхов – по-местному. Птицы, отчаянно голося, рванулись в стороны, но одну Нэси успела поймать и тут же проглотила. Хорошенькое начало!

К моему удивлению, Ноэль повела себя так, будто ничего не случилось. Соскочив на землю, она стащила шлем и тряхнула головой, распуская волосы. Я осмотрелся. К нам никто не бежал. Воины стояли на стенах, разглядывая гостей, но в их взорах было не только любопытство. В отдалении стыли какие-то бедно одетые мужчины и женщины, как я понял, прислуга. Хм! Похоже, Ноэль здесь не чужая.

Догадка подтвердилась почти сразу же. Дверь донжона распахнулась, и на площадь выскочила женщина в сером платье до пят. Она рванулась к нам, но, приблизившись на пару шагов, остановилась.

– Ноэль?

– Это я, мама! – засмеялась девушка.

– Но...

– У меня теперь другой нос! – похвасталась Ноэль и повернулась в профиль. – Тебе нравится?

– Но как? – прижала руки к груди женщина.

– Это сделал мэтр Гро, – Ноэль указала на меня. – Он великий маг. Подумав, я спрыгнул с диги. После чего, стащив с головы шлем, поклонился женщине.

– Ваша дочь преувеличивает. Я всего лишь лекарь.

Ноэль фыркнула.

– Не слушай его, ма! Гро очень скромный. В Ремсе он сжег сотни шидов! Я сама видела.

Женщина испуганно уставилась на меня. Мысленно я увидел себя ее глазами. Неизвестный чужак, обвешанный непонятными предметами. Людей жжет... В Муг я

прилетел в полной экипировке. Не потому, что ждал боя. Кто может напасть на нас в воздухе? Флаеров здесь нет, диг мало, и я не слышал, чтобы они дрались в воздухе. Однако наверху холодно, даже там, куда забирается Нэси. Добавьте встречный поток воздуха. Так что бронежилет, разгрузка и шлем с визором пришлось как раз кстати. Сама Ноэль замотала лицо платком, хотя после того, как отек спал, все не могла на себя насмотреться. Женщина...

От тягостных размышлений хозяйку отвлекли две девочки, одна примерно лет семи, другая – двенадцати. Они выскочили из башни и бросились к Ноэль. Послышался визг, восклицания, и я догадался, что это сестры моей спутницы. Пока шли обнимашки и чмоки, мать девочек подошла ко мне.

– Моя дочь говорит правду, мэтр?

– Да! – признал я.

– Рада приветствовать великого мага!

Ответить я не успел.

– Кто маг? – раздалось из-за ее спины, и вперед выкатился колобок на ножках. На нем был бархатный, черный камзол, серая шляпа с узкими полями и сапоги с задранными кверху носами. Круглое лицо колобка было багрового цвета. Это что ж мы пьем?

– Амей, князь Муга, – представился колобок, по-своему расценив мой взгляд. – А это моя супруга, княгиня Нея. С Ноэль мои дочери Ксо и Пери.

«Ноэль, значит, не его дочь», – догадался я и поклонился:

– Я мэтр Гро.

– Мы можем поговорить, мэтр? – спросил князь, хватая меня за рукав.

– Разумеется! – сказал я. – После обеда.

В глазах князя мелькнуло понимание.

– Прошу! – он указал на донжон.

* * *

За столом я рассмотрел семейство владельца Муга. Княгине на вид было лет сорок. Чистокровная ренийка, о чем говорил разрез глаз, круглое лицо и уже начавшая оплывать фигура. Но даже такой мать Ноэль была очень красива. Младшие дочери, Ксо и Пери, пошли в нее, и я мысленно порадовался за девочек: князь Муга – оэрх по-местному – лицом походил на жеваный ботинок, который разладили утюгом и после означенной процедуры покрасили в багровый цвет.

Перед тем, как пригласить к столу, меня отвели в предназначенную мне комнату, где я умылся и привел себя в порядок. Слуги притащили мои сумки, и я, стащив форму и снаряжение, переделся в короткую куртку и облегающие штаны, каковые предписывала носить людям моего звания местная мода. После чего причесался. В оазисе я укоротил бороду, превратив ее в эспаньолку, а вот стричь волосы на голове Ноэль отказалась.

– Нет! – заявила решительно. – Они же выются! Как можно такое резать?

В результате волосы не только закрывали мне шею, но и падали на плечи, придавая женственный вид. Из тусклого зеркала на меня смотрел юный хлыщ с брезгливо оттопыренной губой. Пра-а-тивный...

Я вздохнул и отправился вслед за поджидавшим меня слугой. Тот отвел меня в столовую. Та оказалась небольшой – донжон все-таки! – и довольно скромно обставленной. В центре

комнаты находились стол и лавки. Только у князя имелся стул с высокой спинкой. Он располагался во главе стола. У стены громоздился буфет с посудой – золотой и серебряной. Единственным украшением голых стен были кольца для факелов. Сейчас они висели пустыми. Хозяева уже сидели за столом, и я, подойдя, церемонно поклонился. Меня усадили рядом с воином в кожаной куртке, которого представили как начальника замковой стражи. Лан, как его звали, походил на Слая – такой же крепкий, широкоплечий с выдубленным солнцем и ветром лицом.

После представления за столом воцарилась тишина, которую нарушила младшая из княжон, Пери.

– Он красивый, ма! – сказала, ткнув в меня пальцем. – Когда вырасту, женюсь на нем.

Все засмеялись, и под этот смех слуги стали подавать блюда. Меню оказалось довольно скудным. Основным блюдом была каша, к которой прилагался хлеб. Жареную курицу поставили перед князем, и он, как я понял, в знак уважения оделил нас с Ланом крылышками. Остальное сожрал сам. Имелось еще блюдо с тонко порезанными ломтиками ветчины и по тому, как таскали ее девочки, я понял, что это для них лакомство. Зато вина хватало, и оно оказалось весьма приличным. Из приборов слуги подали только ложки, а нож каждый имел свой. Правда, резать им было нечего.

Обед шел в молчании и кончился быстро. Нея увела дочерей. Ноэль, уходя, бросила на меня загадочный взгляд. Смысл его я не просек, но решил держаться настороже.

– Мэтр и Лан, присаживайтесь ближе! – сказал князь, отпустив слуг. Мы подчинились. Амей сам наполнил нам кубки. Мы выпили: князь с Ланом до дна, а я пригубил. О чем бы ни предстоял разговор, голову следовало держать трезвой.

– Дело такое, мэтр, – сказал князь, решив не ходить вокруг и около. – Вы, верно, видели, что замок осажден.

– Да! – кивнул я. – Это мерсийцы или ренийцы?

– И те и другие, – сказал Лан. – Пираты!

– Их же разгромили? – удивился я.

– Опять завелись, – вздохнул Амей. – Война пробуждает у черни неуважение к власти и жажду добычи.

– Пришли грабить? – спросил я.

– Хотят забрать Муг! – покачал головой князь.

– Но это бессмысленно! – удивился я. – Король Мерсии не потерпит захвата.

– Они не глупы, – грустно сказал Амей. – У меня нет сыновей, мэтр. Поэтому тот, кто женится на моей дочери, наследует княжество. После свадьбы зять поселится в замке и приберет к рукам Муг. Нас с Неей в лучшем случае будут терпеть. В худшем – расчистят место для нового князя. Я или скоропостижно умру, или нечаянно упаду со стены, – он скривился. – Король вмешиваться не станет – все по закону.

– Они требуют руку Ноэль? – спросил я.

– Ксо. Ноэль не моя дочь.

– Но Ксо – ребенок!

– Им на это плевать! – князь выругался. – У пиратов два вожака, и они дали мне право выбора, – он сморщился. – Как будто есть разница, кто из них станет зятем! Ответ нужно дать завтра.

– Если откажете, возьмут замок?

– Отобьемся! – сказал Лан. – У меня полсотни воинов и тридцать всадников, которых я

спешу и поставлю на стены. Из жителей города, что бежали в замок, найдется сотня мужчин. Приступ не страшен. А вот в поле мы не справимся – пиратов больше. Примерно трое против каждого из моих, и воевать они умеют. Это бывшие солдаты. Почти у всех есть доспехи и доброе оружие.

– Тогда не страшно! – сказал я. – Осада не длится вечно. Поятят и уйдут.

Амей с Ланом переглянулись.

– Вам понравилось сегодняшнее угощение? – спросил князь. – Можете не отвечать, сам видел. А ведь это лучшее, что мы смогли предложить. Моя стража питается хуже – каша из разваренного зерна. Про жителей города я молчу.

– Пираты напали внезапно, – вмешался Лан. – Вначале мы приняли их за купцов. И лишь после разглядели воинов в доспехах... Людей увести мы успели, но припасы остались в городе.

«Совсем Слай! – подумал я. – Первым делом люди».

– Я, конечно, могу выгнать лишние рты за стены, – сказал Амей. – Но пираты уведут их в рабство. Муг останется без подданных...

Оба уставились на меня. Я принял невинный вид. Первым не выдержал князь.

– Ноэль говорит, что в Ремсе вы жгли шидов. Это так?

Я промолчал.

– Не думаю, что Ноэль врет. Моя падчерица не такой человек. Что вы хотите за помощь, мэтр?

«Денег! – подумал я. – Кроме золота, полученного от Ноэль, и остатка жалованья у меня ничего нет. А устроиться на новом месте стоит дорого». Вслух я этого не сказал. Вмешиваться в местные разборки жутко не хотелось. Да и плазменных гранат у меня больше нет. Я не вожу с собой арсенал. Он в боте, а к нему нужно добраться. Не ближний свет.

– Я не слишком богат, – поспешил Амей, по-своему поняв мое молчание. – Вы видели город сверху. После изгнания пиратов он пребывает в запустении. Купцы не жалуют нас вниманием, а земель в княжестве слишком мало, чтоб получить солидный доход. Сто золотых – все, что сумею набрать.

«Скупердьяй! – подумалось мне. – Посуда в буфете стоит дороже».

– Назовите свою цену! – предложил Амей.

Я сделал вид, что задумался, затем встал.

– Благородные Амей и Лан! Я обдумаю ваше предложение. О своем решении сообщу за ужином. А сейчас отдохну.

Возражений не последовало. Я отправился к себе в комнату, но не успел закрыть дверь, как следом втиснулась Ноэль. Наверняка болталась где-то неподалеку.

– Гро?

– Присаживайся! – сказал я, прощаясь с мыслью растянуться на кровати.

– Хочу предупредить, – начала Ноэль, устраиваясь на лавке. – Мой отчим плохой человек!

«Кто бы сомневался!» – подумал я.

– Он, верно, хочет, чтобы ты снял осаду.

«Разумеется! А все потому, что кое-кто много болтал. Зачем было вспоминать шидов?»

– Какую награду он бы ни предложил, будь уверен: обманет!

Я пожал плечами. Пусть пробует!

– Не веришь? Когда он женился на моей матери, то отослал меня. Мы жили с бабушкой,

как обычные простолюдинки. Бабушка учила меня готовить, убирать дом, стирать...

«Что ж в этом плохого?» – подумал я.

– Нас не пускали в замок. Мать приходила повидаться со мной тайком. А ведь он дал обещание моему отцу не обижать меня. Все изменилось, когда я подросла. Нас разыскал дядя и стал присылать деньги. Тут отчим и стал другим: деньги привозили нам с бабушкой, а он хотел, чтобы ему. Но я не дала ему даже серебряка! – Ноэль сделала гордый вид. – Только матери. Она просила для сестричек...

«А у нее золото забирал Амей! – понял я. – Из-за того и возлюбил падчерицу». Видимо, Ноэль и сама это знала, потому что добавила сердито:

– Отчим был против того, чтобы я заводила дигу. Но я не стала его слушать. Кто он мне? Я взрослая.

– А кто твой отец? – спросил я.

– Не скажу! – насупилась Ноэль. – Не хочу его знать! Он плохой человек. Соблазнил мать, бросил ее с ребенком, а после выдал замуж за этого каплуна.

«Кажется, я догадываюсь», – подумал я.

– А твой дядя?

– Я не знаю его, – вздохнула Ноэль. – Никогда не видела. Мать говорит, что он добрый человек, но несчастный – родился с горбом.

– Это можно исправить, – сказал я.

– Правда? – обрадовалась Ноэль. – Ты это сделаешь?

– Если попросят.

– Обязательно! – заверила меня Ноэль. – Кому хочется быть уродом? А вот отчиму не помогай!

– Вожди пиратов требуют в жены твою сестру, – сказал я.

– Кто? – удивилась Ноэль. – Она еще маленькая.

– Пиратам на это плевать. Им нужен порт. Женившись, вожак пиратов станет хозяином в Муге, оттеснив князя или, возможно, даже его убив. Что станет с твоей матерью и младшей сестрой? Тебе понравится быть родственницей пирата?

Ноэль не ответила. Нахмурилась и глянула исподлобья.

– Иногда мне кажется, что ты старый, – сказала, помолчав. – Все знаешь, на все у тебя есть ответ. Может, только притворяешься молодым?

– Ты же проверяла, – хмыкнул я. – Щупала.

– Маг может притвориться кем угодно! – фыркнула Ноэль. – Ладно. Делай, что хочешь, но дигу тебе я не дам! – она встала. – Даже не надейся!

Я развел руками. Она встала и, задрвав нос, вышла из комнаты. Я сбросил сапоги и растянулся на кровати. Наконец-то!

* * *

Ноэль в свою комнату не добралась – мать перехватила.

– Что у тебя с Гро? – спросила, заведя дочь к себе.

– Ничего! – фыркнула Ноэль.

– Поэтому ты полезла к нему в комнату, как только он освободился?

– Нам нужно было поговорить.

– Не наболтались в оазисе?
– Ма! – сморщилась Ноэль. – Не начинай!
– Ты моя дочь, и я не хочу, чтобы ты повторила мою судьбу.
– Не беспокойся! – вздохнула Ноэль. – Он мной не интересуется. В оазисе даже не обнял.
– Он что, из этих? – удивилась мать.
– Нет. Я видела, как он на меня смотрит, – заулыбалась Ноэль. – Просто в своей стране он был жрецом, а их бог запрещает своим служителям любить женщин.
– Совсем-совсем?
– После женитьбы можно.
– Вот как? – Нея задумалась. – А он сильный маг?
– Ты даже не можешь представить какой! Про шидов знаешь. Но я видела в Ремсе, как он лечил солдат. Срашивал им переломы, чинил пробитые головы, исправлял носы... Два десятка поставил на ноги за полдня.
– Не может быть! – поразились Нея.
– Я помогала ему, поэтому знаю точно.
– В Блантоне он бы озолотился!
– Корпорация не позволяет лечить чужакам.
– Это можно поправить. Я напишу твоему отцу. Пора ему позаботиться о дочери.
– Ма!
– Ладно, – уступила Нея. – Дяде. Он поможет Гро, а вместе с ним – и тебе. Ты ведь хочешь за него замуж?
– Ма! – обиделась Ноэль.
– Я вижу, как ты на него поглядываешь, – усмехнулась мать. – Он, кстати, на тебя – тоже. Нос тебе вон какой сделал! Хотя зря. Ты перестала походить на отца.
– Больно нужно! – фыркнула Ноэль.
– Идем! – мать взяла ее за руку и отвела к скамье. Там усадила рядом с собой. – Расскажи мне о Гро! Кто его родители? Он говорил?
– У них собственная лечебница в его стране.
– Значит, не бедные, – заключила Нея. – А кто они по происхождению? Из благородных?
– Не знаю! – пожалала плечами Ноэль. – Гро не сказал. Знаю, что в его семье все лекари. Он – уже в четвертом поколении.
– Четыре поколения магов могут быть только у благородных, – сказала мать. – Простолюдины теряют дар. Чем вы занимались в оазисе?
– Разговаривали, – сказала Ноэль. – Он читал мне стихи.
– По памяти?
– У него есть артефакт. По словам Гро, в нем тысячи книг. На их языке, конечно. Гро читал вслух, а после переводил.
– Поэзия – удел благородных людей, – заметила мать.
– Еще мы слушали музыку.
– Он играет на инструментах?
– У него есть артефакт с музыкой. Работает от лучей Амгора. Гро раскладывал какую-то пластинку, и артефакт начинал играть и показывать.
– Что?
– Музыкантов и певцов. У них странные инструменты. И еще, – Ноэль внезапно

хихикнула. – Они выступают почти раздетыми. У женщин едва прикрыты грудь и ноги.

- Бесстыжие! – возмутилась мать.
- Гро говорит, что у них так принято. Никто этим не возмущается.
- Он тебе предлагал раздеться? – насторожилась мать.
- Нет! – засмеялась Ноэль. – Наоборот, требовал, чтобы не смела.
- Воспитанный мальчик! – сказала Нея.
- И очень красивый, – вздохнула дочь. – У него чудные волосы! А лицо? Чистое, белое. Я таких не видела. А еще он хорошо сложен: сильные руки и ноги, тонкая талия.
- Он раздевался перед тобой?!
- Нет. Но я видела, как он купается.
- Подглядывала?

Ноэль хихикнула.

- В кого ты такая? – упрекнула Нея.
- Сама знаешь! – хмыкнула Ноэль и прижалась к матери. Та обняла ее за плечи.
- Вдруг это личина? – сказала, задумавшись.
- Личиной у него был старик, – возразила дочь. – А оазисе она слетела. Я испугалась, но Гро сказал, что он настоящий молодой. Разрешил себя потрогать. Один раз.

Ноэль вновь вздохнула.

- Он справится с пиратами? – спросила Нея.
- Конечно! – фыркнула дочь. – Для Гро нет ничего невозможного. Иногда мне кажется, что он бог.
- Боги не живут среди людей! – покачала головой Нея.
- Это наши, – возразила Ноэль. – Но Гро рассказывал про своего. Так вот, тот жил...

Институт военных священников в России возродили еще в двадцать первом веке. Поначалу дело шло туго. Полковых батюшек катастрофически не хватало. Из десяти вакансий хорошо если заполняли одну. Военные требовали, чтобы капеллан был здоров и послужил в армии. Среди выпускников семинарий таких было мало. К тому же они не рвались в армию. И служба тяжелая, и контингент сложный. Бабушек в приходах окормлять проще. Так продолжалось долго, пока в чью-то светлую голову не пришла мысль объединить должности капеллана и заместителя командира по воспитательной работе. Идея, впрочем, лежала на поверхности: в армиях западных стран такое практиковалось давно. Но в России пошли дальше – в Петербурге открыли военно-духовную академию.

Злые языки после утверждали, что Министерство обороны и Священный синод пришли к соглашению вследствие перепроизводства священников. Все большее число выпускников семинарий не находили себе применения. Как бы то ни было, но к начинанию подошли серьезно. Преподавателей отобрали лучших. Вкупе со стремлением курсантов учиться это дало хороший результат. Выпускников академии армия расхватывала, как горячие пирожки. Отменная теологическая и общегуманитарная подготовка, которой славились духовные вузы, в сочетании с военными знаниями превращала капелланов в специалистов редкого профиля. Они с равным успехом могли сочетать обязанности командира мирного времени, воспитателя и священника.

Конкурс в академию был огромный. Оно и понятно. Капелланам присваивали офицерские звания. Это гарантировало высокий оклад, бесплатное жилье и достойную пенсию. Имелись у капелланов карьерные перспективы. Главный военный священник Российской армии носил генеральский чин и занимал должность заместителя министра обороны. Капелланов рукополагали в сан независимо от семейного состояния. А вот для выпускников семинарий это было проблемой. Трудно найти матушку, с которой пройдешь через всю жизнь. Требования к ней специфические, а жизнь – штука извилистая. Развод влечет лишение сана и, следовательно, служения. Принять постриг? Не каждый готов стать монахом. Получить сан в celibate?^[3] Его позволяли только с 30 лет. Для капелланов ограничений не существовало. Он мог отказаться от celibata и жениться, как, впрочем, и принять постриг. Последнее случалось редко. В военно-духовную академию принимали с определенными данными. Приятная внешность, высокий рост, умение говорить. Плюс... запрет разводиться... Невесты, особенно из числа поповен, курсантов пасли. Их находили в Сетях, записывались в друзья и приглашали в гости. У ворот академии дежурили девицы. Выходившие в увольнение курсанты попадали под обстрел их глаз. На шею девушки не вешались – упаси Бог! Они ведь приличные барышни, а не какие там б... Но стоило с ними заговорить... С курсантом знакомились и тащили гулять. Затем следовало приглашение в гости и знакомство с родителями. «Редкая птица долетит до середины Днепра, а курсант – холостым к выпуску», – шутили наши преподаватели. Мне удалось.

Мы носили обычную форму. От других курсантов отличались только серебряными крестиками в уголках воротников. Но и этого хватало. Девушки заговаривали с нами на улицах и стремились познакомиться. Из-за этого нас не любили курсанты других вузов, особенно «мореманы». Их уязвляло, что девочки предпочитают «попов». Нас регулярно пытались бить. Но рукопашку в академии преподавали отменные спецы. В драках «попы» выносили «мореманов» на раз, даже уступая им численно. Начальство на это закрывало глаза. Капеллан, конечно, священник, но он еще и офицер. Какой из него командир, если не может дать сдачи? Единственное, чего требовали от нас, так это не попадаться «комендачам». Разбитая рожа и порванный мундир карались епитимьей. Их раздавали щедро. Священнику не пристало ходить с битой мордой! Подтекст: драться нужно уметь. Ты будущий капеллан или чмо?

В академию я поступил под фамилией матери. Так посоветовал отец. В академии учились парни из небогатых семей, а тут сын миллионера... Головатый – фамилия обычная. А вот имя редкое, но в святцах и не такое встречается. Капитон происходило от латинского *capito*, что означает «голова». Добавьте фамилию и поймете, почему меня звали «Кап-два».

Академию я окончил с отличием. Назначение получил в военно-космические войска. На международную базу Реджина прибыл в радужном настроении. У меня будет своя церковь, где я буду служить. А потом... Мне грезилась дальние походы, открытие новых миров. В мечтах виделось, как мы высаживаемся среди туземцев, и я проповедую им Слово Божье... Обломали меня с ходу.

– Пойдешь в роту! – просветил меня капеллан группировки, владыка Павел.

– Роту? – удивился я. Низшей должностью капеллана был заместитель командира батальона.

– Это не обычная рота, – хмыкнул полковник. – Конвойная. Сопровождает космические грузовики с рудным концентратом. Они лакомая добыча для пиратов, поэтому приходится охранять. То же делают и американцы. У них здесь полк, поэтому мы в соответствии с

соглашением не имеем права держать бригаду, хотя грузовиков у нас больше. Поэтому придумали усиленные конвойные роты. Сокращенно УКР, в просторечии – «укурки», – владыка усмехнулся. – По численному составу рота равна батальону. Ты назначен в шестую. Предупреждаю: контингент трудный. По боевым качествам рота лучшая в полку, но вот что касается моральных... – полковник вздохнул. – Дерутся, как черти, прости Господи! – он обмахнул себя крестом. – Но и гуляют также. Пьют, задирают американцев. Драки с ними – обычное дело. А амеры пишут жалобы, – владыка вздохнул во второй раз. – Сам понимаешь, насколько это приятно. Беда в том, что в роте этим гордятся. Напились – молодцы! Начистили рожи амерам – герои! Придумали себе неуставной знак – окурки в зубах черепа – и носят его напоказ. Дескать, знай наших! Твой предшественник не справился. Потакал нарушителям, проводил общие исповеди...^[4]

Я кивнул. В академии нас учили: общая исповедь таинством не является. Она не ведет к сердечному сокрушению и не служит путем исправления грешника. В армии общая исповедь допускается лишь перед боем. Когда времени нет, а причастить нужно каждого.

– Думаю, ты справишься, – заключил напутствие владыка. – Я посмотрел твое личное дело. Драться умеешь, – он вновь усмехнулся и сделал знак. Я встал и сложил руки для благословения.

Конвойный полк дислоцировался у космопорта. Туда я добрался к вечеру. Личному составу меня представили на утреннем построении. Я ловил на себе иронические взгляды контрактников. Перед ними стоял пацан в лейтенантском мундире с наперсным крестом. Годами моложе многих из них. «Воспитатель, млять!» – читалось в их взглядах.

– Литургия состоится в воскресенье в девять часов утра, – сказал я, когда командир роты завершил представление. – Желающих исповедаться жду ежедневно в клубе после восемнадцати часов.

Как таковой церкви в роте не было. Ею служил клуб, где в будние дни шли занятия, а в выходные проводили торжественные мероприятия. В воскресенье стулья вытаскивали и разворачивали иконостас. Священник ставил походный алтарь. Исповедь принимали здесь же.

Я понапрасну просидел в клубе три вечера. Никто исповедаться не пришел. Воскресную службу я начал без смирения в душе. Этому способствовал и тот факт, что вел я ее один. Предшественник не озаботился созданием в роте хотя бы малого причта^[5]. Не было даже пономаря. И это при таком количестве верующих! Из личных дел следовало, что православных у нас три сотни. Сейчас они стояли передо мной, наблюдая, как священник корячится.

Приготовив Святые Дары, я вознес молитву и обратился к пастве.

– Есть здесь исповедники?

Ответом мне было молчание.

– В таком случае причащать некого.

Я взял потир и осушил его до дна, после чего смачно закусил просфорой.

– Ни хрена себе! – воскликнул сержант в первом ряду.

Командир роты метнул на него взгляд, и сержант вжал голову в плечи. Я притворился, что не расслышал. После службы контрактники отправились в город, где растеклись по значным местам. Накануне они получили денежное содержание, так что гулеванили от души. О чем мне сообщил утром владыка.

– Опять твои отличились! – сказал сердито. – Трех амеров отмузузили. Один из них – в

госпитале. А ты в это время пьешь вино и просфорой закусываешь. В храме!

– Оставшиеся от причастников Святые Дары священник обязан употребить сам, – сообщил я.

– А то я не знаю! – рассердился полковник. – Но где сказано, что он должен делать это на виду у всех, да еще демонстративно? Гляди, Кап, допрыгаешься! На Куру сошлю.

Я мысленно перекрестился. Кура – пустынная планета на краю галактики считалась последней дырой. Туда ссылали залетчиков. Служить там было тоскливо, народ деградировал и спивался. После Куры попасть в нормальную часть было нереально.

Утро началось с физической подготовки. Контрактники выстроились у полосы препятствий помятые. Их лица несли следы вчерашнего удовольствия. Некоторые обзавелись фингалами. Командиры взводов развели бойцов по стартовым позициям. Пары пошли. Мы с командиром роты наблюдали, как они нехотя бегут по мосткам, лезут по лестницам, прыгают в отверстия в щитах – словом, изображают штурм космического корабля.

– Ползают как сонные мухи! – буркнул командир роты.

Я был точно такого же мнения. Внезапно заметил у стартовой позиции сержанта-матерщинника. В паре с другим контрактником он ждал своей очереди. Колебался я недолго. На мне была такая же, как и на контрактниках, полевая форма, а наперсный крест я оставил в штабе. Устав позволял не носить его на тренировках. Я подошел и дал знак партнеру сержанта отойти в сторону. Сам встал на его место.

– Вы это чего, батюшка? – удивился матерщинник.

– Собираюсь надрать тебе задницу, сын мой.

За спиной раздали смешки.

– Я не из этих, батюшка! – насупился сержант.

– Вот мы и проверим!

Ход занятий сбился. Все, включая командиров других взводов, теперь стояли и смотрели на нас. Рота предвкушала развлечение. Я кивнул взводному.

– Пошли! – скомандовал он.

Полоса препятствий конвойной роты считалась сложной. Ну это как сказать. В академии мы бегали и не такие. Гоняли нас как сидоровых коз. Хотя неизвестный мне Сидор, будь у него коза, животное бы пожалел. Какое после этого у нее молоко?

Матерщинника я опередил сразу. За спиной закричали и заулюлюкали. Соперник нагнал. Лестницу мы преодолели почти разом, но у дыры в щите он замешкался – подвела нарушенная возлияниями координация. Я прыгнул, перекатился, уклоняясь от рванувшегося мне навстречу бревна, соскользнул по шесту, протиснулся в щель, и по натянутому канату пополз к финишу. Когда спрыгнул на пол, матерщинник только брался за канат. Крики в зале стихли – болели не за меня.

– Ну? – спросил я сержанта, когда тот встал рядом. – Что насчет задницы?

Контрактники заржали. Они симпатизировали сержанту, но почему бы не посмеяться? Армейская жизнь бедна на развлечения. Матерщинник метнул на меня злобный взгляд, и я понял, что позор мне припомнят.

– Неплохо! – сказал командир роты, когда я вернулся к нему. – Честно говоря, не ожидал. Прохоров у нас в числе лучших.

– Много пил вчера! – сказал я.

Майор кивнул, соглашаясь. «Вот и сказал бы это ему сейчас! – подумалось мне. – Я для них никто, а тебя послушали бы». Однако майор промолчал. Он, как и личный состав роты,

встретил меня прохладно. В беседе заявил, что прежний капеллан его вполне устраивал, толку в замене он не видит. Помогать мне воспитывать личный состав майор явно не собирался.

Мстя Прохорова сбылась скоро. Я по-прежнему ждал исповедников в клубе, и они, к моему удивлению, прибыли – с десятков контрактников во главе с Прохоровым. С ними была девушка. Я узнал ее. В роте служили женщины, но Анна выделялась из их среды. Ее щеку пересекал шрам от края глаза до подбородка. По-видимому, рана плохо заживала, и из-за этого рубец вышел толстый и багровый. Лицо он уродовал. В роте, как я знал, девушку звали «Анка-пулеметчица». Импульсной пушкой она орудовала, как кисточкой для макияжа.

– Мы, это... на исповедь, – сказал Прохоров. Я заметил, как другие контрактники заулыбались, и заподозрил подлянку. Прохоров подтолкнул Анну в спину, и она подошла ко мне.

– Грешна, батюшка! – произнесла, склонив голову.

В ее голосе не чувствовалось раскаяния, да и говорила она громко. Исповедники так себя не ведут.

– Слушаю! – сказал я.

– Я влюбилась в нашего ротного священника и мечтаю его соблазнить, – сообщила девушка.

Контрактники в стороне едва сдерживались от смеха. Все ясно: подстава. Мгновение я колебался. Прогнать Анну? Они этого и ждут. В полку будут обсуждать, как капеллан кричал и топал ногами на исповедника. Думал я недолго.

– Это тяжкий грех, чадо! – сказал громко. – Встань на колени!

Анна поколебалась, но подчинилась.

– Как говорят в миру: «Не согрешишь, не покаешься». Так что приступай! – я потянул молнию на брюках. – Нежно и с молитвой.

Контрактники на мгновение застыли, но затем, не удержавшись, заржали. Сгибаясь от хохота, они метнулись к выходу. Анна вскочила и, вся пунцовая, устремилась следом.

Владыка связался со мной в тот же вечер.

– Ты охренел, лейтенант? – набросился он на меня. Обращение по званию демонстрировало высшую степень его гнева. – Предлагать прихожанке совокупление в церкви?!

– В клубе, – сказал я. – Церковью он становится, когда заносят алтарь.

– Какой, хрен, разница? – рявкнул он. – Она пришла на исповедь.

– Совсем нет. Их целью было унижить меня. Обдуманная провокация.

– А ну-ка, ну-ка? – заинтересовался владыка.

Я рассказал.

– Совсем охренели! – сказал полковник после того, как я смолк. – Надо же – священника провоцировать! Что там твой командир думает? Я его раком поставлю!

– Не нужно, – попросил я. – Сам разберусь.

– Смотри! – сказал владыка. – Но если что... Как, кстати, ты ей сказал? Нежно и с молитвой? – он ухмыльнулся и прервал связь.

Спустя день я понял, что родил мем. Я шел мимо проходной, где двое солдат из другой роты затаскивали в грузовик шкаф.

– Давай, давай! – понукал их сержант. – Не ленись! Нежно и с молитвой...

Мем мемом, но на исповедь ко мне по-прежнему не шли. По этой причине не было и

причта. Допускать к службе пономаря, который не исповедуется и не причащается, я не мог. Так продолжалось, пока нас не послали на боевую операцию.

На конвои пираты не нападали – боялись. Что русские, что американцы разносили бандитов в пыль. Грабили одиночек. Не все владельцы транспортных кораблей ходили в конвоях. Во-первых, требовалось ждать, пока тот сформируют, во-вторых, – платить. Желающие сэкономить находились. Вот их-то и поджидали пираты. Они неплохо знали маршруты движения кораблей, или же кто-то сливал им информацию – скорее всего, что второе. Грузовики захватывали, выгружали концентрат, а заодно чистили экипаж от «ненужных» им вещей и денег. Сами корабли пиратов не интересовали – слишком приметные, продать не удастся. Грузовики с разбитыми двигателями и с выведенной из строя навигационной системой оставляли в космосе – пиратам требовалось время, чтобы безопасно уйти. Судьба экипажа бандитов не беспокоила. Остались живы – пусть радуются. Поболтаются в космосе, а там найдутся по маяку. Иногда находили поздно. Незадолго до моего прибытия на Реджин патрульный катер наткнулся на ограбленный пиратами российский грузовик. Экипаж был мертв. Пираты забрали у них воду и продовольствие, и люди не дождались помощи.

Этот случай всколыхнул базу. Ладно, грабить, но приговорить людей к мучительной смерти! С Земли рыкнули: найти и уничтожить! Пиратов решили ловить на живца. Операцию разработали втайне. Шестая рота сопровождала конвой к приискам, где ее ждал якобы нагруженный корабль-обманка. По документам в трюме корабля лежал концентрат. На самом деле там оборудовали казарму для штурмовиков. Легенда была простой. Корабль, не желая ждать каравана, отправляется в путь, его захватывают пираты. И вот тут-то их ждет сюрприз. В штабе не сомневались, что информация о грузовике-одиночке попадет к пиратам, и те клюнут. На приисках «текло», поэтому главным было обеспечить скрытность «сюрприза».

Об операции я узнал в последний момент.

– Остаешься на базе! – сказал командир роты, введя меня в курс.

– Хотел бы сопровождать роту! – возразил я.

– Зачем? – удивился майор. – Капелланы не воюют.

– У меня отличная медицинская подготовка, а с ротой летит всего один врач. А если раненых будет много? Священник в любом случае не помешает. Скажем...

– Этого не надо! – перебил майор. – Двухсотых у нас до сих пор не было. И не будет, пока я командир. Кто такие эти пираты? Сброд! Только с безоружными могут воевать.

Как он сильно ошибался, выяснилось позже...

На операцию меня взяли. Я связался с владыкой, тот похлопотал. В штабе полка только плечами пожали. Капеллан хочет на операцию? Да хоть в ад, лишь бы под ногами не путался. Я обещал.

Пираты ждали нас на середине маршрута. Появившийся на экранах крейсер дал предупредительный залп и приказал лечь в дрейф. Мы подчинились. Майор объявил боевую тревогу. Укурки, одетые в скафы, выстроились в трюме.

– Мы знаем, что делать, парни! – сказал майор. – Как только откроют шлюз...

Слушали его вполуха. За время, что мы были в пути, порядок действий вбили в голову каждого, чему в немалой степени способствовали ежедневные учения. Командир роты службу знал. Когда он умолк, вперед вышел я. Майор глянул свирепо, но промолчал.

– Братья! – сказал я. Сейчас это обращение было к месту. – Скоро нам предстоит бой.

Как ваш духовный отец я хочу, чтобы вы шли в него, причастившись Святых Даров. Ибо в этом случае, если кто-то падет в схватке, то наследует рай, – я поднял над головой ларец со Святыми Дарами. – А теперь повторяйте за мной! – Я взял ларец в левую руку и перекрестился. – Исповедую тебе, Господу Богу моему и Творцу, Отцу, Сыну и Святому Духу...

Слова общей исповеди зазвучали слаженно и торжественно. Их произносили истово. Перед боем даже атеисты становятся верующими, это нам еще в академии объяснили. Закончив, я достал из ларца потир и серебряную ложечку. Первым к причастию, к моему удивлению, подошел майор, видимо, и его пробило. За ним встали командиры взводов, а далее выстроились солдаты и сержанты. К моему изумлению, причаститься шли все, даже мусульмане с атеистами. Отказывать никому я не стал. В бой всем идти вместе и умирать, если не повезет, бок о бок. Последней подошла Анна. Она робко глянула на меня и назвала имя. Я поскреб ложечкой по дну потира и влил ей остатки вина с крошкой просфоры. Самому не осталось.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Семитское племя, враждебное иудеям. Многократно упоминается в Библии.

Бытие, 19:24-25. Гро цитирует эти стихи по памяти и поэтому не совсем точно.

Целибат – обет безбрачия.

Общая исповедь – обряд, когда священник сам произносит исповедь за группу прихожан, включая себя самого. Православной церковью не приветствуется.

Причт – состав служащих при церкви.